Высота Стекла

Автор:
Ана Гратесс

Высота Стекла

Ана Гратесс

Высота Стекла – это башня. Она является олицетворением пути цивилизации и для многих эта дорога становится фатальным испытанием. Кто-то ее ненавидит, а кто-то благотворит сию сущность. Для кого-то она становится чистой реальностью и окрашивается в цвета неумолимой правды.Это и жизнь, и смерть, где эпохи пролетают аки мгновения. Герои подвергаются многочисленным метаморфозам, дистиллируя тем самым понимание Высоты Стекла. Башня становится оазисом общемировой жизни, за которой неотступно следуют и боги, и демоны.

Ана Гратесс

Высота Стекла

Глава первая

Любовь – это Звезда, а Звезда в согласии с волей – деятельная Высота.

Начало третьего тысячелетия ознаменовано падением старого мира: крепкие мужчины и женщины огромными скопами бултыхались в грешных водах и адской пыли. Дети здесь никогда не рождались. Люди завсегдашне появлялись в

саркофагах, сразу в полный рост и жили после явления во свет несколько сотен лет, никогда не болея. Ни один из них не умирал собственной смертью, другая сторона прибирала их к рукам делом исключительного случая. Единственное, что им требовалось, так это обучение к управлению собственным сознанием.

Мясо Павильона, который является главной и единственной столицей на этой оконечности Земли, приносит людям пропитание в виде скрученной в тугой жгут энергетической Радости. Свет от белого солнца достигает глубоких рытвин в живых глазницах, и человеческие особи начинают громко гоготать, прыгать и одновременно с тем заниматься художественными практиками, обогащая свой край искрами света интуитивного ума.

Здесь взято за правило ежедневно приносить пользу всему живому острову созидательной практикой любого вида и любой сложности. Люди здесь не знают слово «усталость», ибо Мясо является тем единственным питательным корпусом, доступным совершенно любому, который встраивается в структуру человеческой плоти и в совершенстве своем насыщает кровь и органы всеми необходимыми элементами. Природа кажется вечной. Энергия течет свободно, легко, люди не падают вниз, а парят высоко наверху, подпирая жаркие звезды, унося глубину известной печали за невидимые горизонты, прямо в стылые полости-выпуклости иного бытия.

Большим испытанием для всех живущих является Башня, названная Высотой Стекла. Днем и ночью блистающие грани её гипнотизируют все ментальные засовы и подпорки, делая современность похожей на наилучший сценарий из древних утопических идей: недра погибели скрыты за привлекательностью светящихся островков везения, где каждый житель данной реальности может совершить кувырок в темные бездны неизвестного, сделав себе тем самым персональный сюрприз. Эта опция доступна только единожды, ибо никто больше с такого аттракциона не возвращался обратно, ни живым, ни мертвым.

На Башню работают всего несколько человек, первую группу из которых возглавляла известная на весь мир поэтесса Сульфия Аурумис, создававшая литературные шедевры по уровню не уступавшим древним мастерам из Египта и Вавилона. Через поверхностные иносказательные практики она умудрялась вклинивать в тело ровных строф поистине чудодейственные истины, которые во все времена являлись сказочной ценностью для охочих до мистики магиков и были доступны исключительно посвященным в космические таинства Вселенной.

Второй группой из звездчатых заслонок, прямо из саркофажьей неизвестности, вышли две девушки четвертого десятка мудрости. Они в совершенстве управляли силой стеклянного купола. В этой же группе были и два парня, являвшиеся неуклюжей пародией на солнечные диски – их головы венчали остроконечные звезды, а тело напоминало бугристый, чуть пожеванный огурец. Четыре человека жили, ели, любили и творили, будучи запертые на весь остаток жизнь в хромированном стекле Высоты.

Некоторое разносили молву, что подобная участь была даром «свыше», другие роптали на неотвратимость фатума, а сама группа не знала никаких особых запретов и была большей частью времени предоставлена себе и своим увлечениям, лишь изредка кто-то из них бросался на помощь желающим совершить единственный прыжок. Кому-то долгая жизнь в тягость.

– Я это называю аттракционом невиданной щедрости – позволять абсолютно любому человеку давать право выбора на цветные манжеты и камни для металлических запонок. Это ведь развращает разум! А что дальше, спросите вы, дальше они вознамерятся прийти на замену нам? – Говорила девушка по имени Глорис. Она сидела перед створками зеркала трюмо и перебирала пряди волос, завивая каждую в фигуры ленты Мебиуса.

– А мне это кажется хорошей практикой, ибо люди учатся делать выбор, что им сослужит хорошую службу для будущих дел самого разного калибра. – Сказал парень в одежде монохромной совы. Его пупырчатое тело стояло возле панорамного окна и было заметно, что он с большим интересом глядит в темные низины, куда по своему желанию летит отчаянная современность в лицах мудреной взрослости.

– О, мистер Фери, ваши совиные перья уже стали пованивать гнилью упадка.

– Мои одежды хотя бы напоминают о светлости и доброте Природы, а твои локоны, Глорис, совершают одни и те же движения на протяжении всей своей жизни.

– Один – ноль, запевун! Тебе сегодня удалось разглядеть нечто новое в чернотах провала?

– Все по-старому, – отвечал Фери, – недра Земли перекатывают собственные коловерти в сумрак абсолютной незримости. Может сегодня кто-нибудь решиться сделать прыжок, тогда будет развлечение. – Парень отошел от прозрачного стекла, всем корпусом наклонился вперед, подбирая крошки от завтрака, а потом чуть склонился вправо и стал пристально смотреть на орудующую феном и расческой Глорис.

Та заметила его взгляд, и полусмеясь, в некотором раздражении ответила:

– Когда ты так смотришь на меня, в моих внутренностях начинают происходить верчения покруче, чем восьмеричная бесконечность Мебиуса.

Девушка опустила руку в серебристую баночку, стоявшую на том же трюмо, зачерпнула маленькую каплю прозрачного геля и принялась намазывать содержимое по поверхности моложавого лица. Ее лик стал светится еще сильнее чем ранее, тем самым напомнив Фери о долготе протяженной гармоники их жизненного потока, что в «детском» возрасте привела несмышленышей, сладко пахнущих свежим духом новеньких саркофагов, в сверкавшие на солнце грани Высоты Стекла.

Присутствовало во всем этом острое ощущение хождения по кругу, винтовой лестницей которое заходится в самые глубины душевного средоточия. Двое человек как раз тем и занимались: бегали взад и вперед, вниз и снова вверх. Металлические перекрытия башни упруго ухали под натруженными стопами, игриво отскакивая в такт этим бесконечным движениям.

Ариадна и Титан выбрали себе такое занятия не потому, что их одолевает иссушающая скука, а от того, что бегать по просторным лестничным пролетам и есть суть всего творческого поиска. Двигательные пружины с чавканьем и звоном заходились в перемычку, находившуюся между сердечной мышцей и позвонками отточенного сознания и уже через секунду, вобрав все что нужно с человеческого восприятия, снова падали разжиженной кляксой на гладкие стены Высоты.

Глорис с заметной леностью в движениях перебирала карточки спрыгнувших смельчаков, когда Фери обнаружил что на горизонте ярким пятном засверкало зачатие серо-синей облачной Грозы. Тучи, находившиеся на задах видимого пространства, кучились угрюмой, устрашающей ватой, а город внизу стал

пыхать защитными куполами, надвигая прозрачный металлизированный стеклярус на самые важные и ценные объекты мясной инфраструктуры.

– Эй, ленточная морда, посмотри что происходит снаружи! – Воскликнул парень-огурец; стало заметно, как у него загорелись глаза. – Цельный стеклянный катафалк расправил свои могучие плечи, чтобы защитить физические недра Павильона!

– Тебе всегда нравилось наблюдать за внешним миром, оно и понятно – здесь, на Высоте, у тебя творческий застой, и ты не можешь заниматься художественными практиками, пока не вберешь в себя зрительный экстаз копошащегося Мяса. – сказала Глорис и чмокнула карточку с фотографией последнего из осмелившихся прыгнуть. – Меня больше забавляет то, как Они, – девушка постучала ногтем по стопке фотографий, – все смеются перед тем, как сигануть в пучины бесконечно космического, неимоверно землистого мрака. Эти смельчаки кажутся такими счастливыми, что я на какой-то момент даже забываюсь и успеваю им по-черну по-белу позавидовать.

– Но иллюзия быстро сходит на нет, Гло. – Пупырчатый Фери еще ближе подошел к окну, почти впечатавшись в стекло, наблюдая сгущающийся горизонт грозового фронта. – Мы то хорошо знаем, что их ждет внизу.

– Нужно позвать остальных ребят, ибо хватит им уже бегать, скоро лестница выкатит глаза наперед! – Глорис встала из-за стола и стала приближаться к красной кнопке, которая была связана с оповещающей системой. – Соберемся в главном зале на 101-ом этаже, возьмемся за руки, растрясем головы в приветственном жесте и примем Грозу как подобает хранителям Высоты!

Тем временем, со стороны внешнего мира, темная туча уже успела выпростать свое содержимое, в виде серо-лиловой жижи, на далекие городские земли. Тянущая и стонущая певучесть доносилась теперь угрожающим напевом. Перед взором упавшего мясного дерева пронеслась вся пестрота главного торгового рынка. Сердце Башни всегда и во все времена наслаждалось подобными пейзажами; и стали особенно заметны эти настроения, когда четверка творческих душ держала перед кристаллической сердцевиной Стекла клочок Грозы, который однажды, в подобную же бурю, зацепился за верхушку Башни и оказался в ведении подобострастных хранителей.

Извивалась темная сущь, находясь в руках у четверки, пищала монструозным кровоточащим гласом, расплескивая последние остатки дождевой воды. А сердцевина трещала от удовольствия; звонко смеялась ее нутряная светящаяся полость. Клочок Грозы издох раньше, чем Титан успел погрузить свои жилистые кисти в воздушное тело клочка, желая пощекотать нервную сетку окружавших его друзей остаточным следом электричества.

– Как же красива Природа, когда ее усмиряют парой другой упругих, физических ладоней! – Сказала хранительница Ариадна, стоя вместе со всеми, параллельно перекатывая своим животом основание общего желудка. – На сей раз хотелось бы зацепить клочок побольше, чтобы все вокруг засверкало, словно к нам в гости решил заглянуть хвостатый огонек падающей звезды!

– Можно выдвинуть шпиль Высоты повыше, и шансов на успех станет больше, но и опасность от того повысится: Гроза коварна со Стеклом, и легко может раздать мощного разряда на нашу многочтимую Башню. – Вымолвила Глорис, – тогда нам всем придется подтирать за собой расплескавшуюся розовую кашицу. – Девушка взмахнула своими локонами, а Фери, смотревший на нее, оказался загипнотизированным красотой ее ленточного великолепия; хотел было убрать руки с иссыхающегося клочка, но вовремя спохватился. Цель еще не достигла завершения.

Тут парень в некотором раздражении сказал:

– Слушай Глорис, тебе не кажется, что пора сменить прическу? Эта – слишком много внимания на себя берет. Гляди, сыграет злую шутку когда-нибудь.

– Девушке не стоит внимать словам огуречного смотрителя, – взвинтилась Ариадна, и, посмотрев на подругу, любезно сказала ей, – все шикарно, детка Гло, нам нужно выглядеть на все сто процентов, чтобы радовать самих себя и Высоту. Иначе, – тут хранительница понизила голос, – сами знаете, что может произойти!

– Именем Мяса, дорогие дамы и господа, – Титан молотым перцем разбрелся по всему периметру 101-го этажа, желая, чтобы его тенор обратил на себя все внимание, – пришло время прислоняться к стеклянным окнам, кучевые облака уже практически над нами!

Но перед этим нужно было убрать сердцевину Стекла на ее законное место. Силой восьми рук хранители водрузили средоточие в просторное металлическое углубление, находившееся неподалеку. Восемь ртов одновременно прошептали магическую абракадабру: «семь восемь пять четыре два Ноль», которая запечатает углубление. Когда действо зачалось, все они разом отошли от захлопывающихся полукружных дверей. Послышался скрежет и громкий лязг. Теперь дело оставалось за малым: подняться на вершину Башни, нажать пару светящихся кнопок, чтобы шпиль взметнул тонкое знамя ввысь, и, находясь под особо удачливой звездой, попал прямо в ребра проносящихся мимо ревущих и клокотающих небес.

Туча мягко и грозно стелилась над громадными полосами Мяса, дрожали человеческие отростки на песчаных берегах близ Земляного рва. Далекое супер-море Павильона из-за поднявшихся мощных ветров крепкими волнами разбивало прибрежные поселения. Вся масса Природы казалась взбалмошным птенцом, которому вздумалось поиграть в грозного разрушителя.

Хранители Башни выстроились в ровную шеренгу и вперили пристальные взгляды в сумрак грозового величия. Каждый из них, по переменке или все разом, издавали то возгласы изумления, то потрясенные вздохи. Казалось бы, их сердца должны были прилично закалиться от созерцания многочисленных падений в недра земляной бездны, но нет – каждый приход Грозы застает их, взрослых, поцелованных разумом особей, в искренней улыбке детского восторга.

Шпиль был выдвинут на достаточную высоту, и Гроза не заставила себя долго ждать: со всей ревущей мощностью зацепились ее воздушные телеса о гладкий, хромированный металл. Заискрились, засверкали молнии, темное небо мерцало теперь наподобие люминесцентной игрушки. Аромат мрачных дождей отдал клочок своей энергичной плоти. Миссия удалась.

«Именем слова о скором падении острова вашего – все происходящее суть перечная глупость и недоразумение!» – загрохотали высокие кручи.

– Друзья, – обратилась хранительница Глорис к коллегам, стоявшим рядом с ней, – впервые на нашей памяти Гроза подала голос! Видимо, большой и весьма ценный кусок отделился от ее дорогих тел, раз она хочет, чтобы мы вняли голосу «разума» и выслушали ее! – Девушка от радости крутанулась вокруг своей оси, задев стеклянный стол, от чего тот упал и со звонким хрустом разбился вдребезги.

– Просто мечта, Мясо всего Павильона, какой ВИД! – Огуречные тела Фери и Титана в возбуждении перекатывались от ощущения близкой развязки.

Молчавшая Ариадна в ожидании топталась на месте, всем корпусом примкнув к стеклянным стенам.

«Перекрасить бы вас в звездчатых детей, стали бы, глядишь, поумнее!» – уже чуть тише, но с той же мощью небесный глас прогремел над Башней из стекла. Потемневшие тучи стали собираться вокруг Высоты, намереваясь вкруговую обступить разгневавшие их структуры.

– Мясо… Гроза вознамерилась нас окружить! – Ариадна от испуга разлилась розовой жижей, отчего весь пол превратился в подобие растаявшего клубничного озерца.

Хранитель Титан с глубоким неодобрением во всем его виде показал кулак небесам, как бы угрожая тем расправой, а девушке, разлившейся испугом, сказал:

– Спокойно, Ари, высшие сферы Стекла всегда славились собственной неприступностью. Думаю, этот набег не станет помехой Высоте. – Вмиг подобревший парень подмигнул ей.

Грозовые кручи делались все мрачнее; страшная угроза нависала теперь над хранителями. Небеса сгущались подобно старым тряпкам, плотным кольцом обвивая прозрачный хром высокой Башни.

«Дети лживого Голоса, сейчас мои тела зачнут творение гениального искусства, а именно: так же возьмут часть от вас, как и вы в очередной раз осмелились отщипнуть от их громады! В нашем арсенале холсты из мелкодисперсной, поддернутой животворной синевой ткани, а краски, струящиеся природной красотой, преисполнены вдохновляющей яркости. А посему вам, наглым детям вездесущего Стекла надлежит изнывать от гнета скорого поражения. Трепещите!»

Небо трепетало от гнева. Материи все больше нагнетались, наполняясь решимостью. Хранители ожидали мощного потока ливневых вод, которые

попытаются смыть их тела, казавшиеся сущей малостью на фоне громоздящихся воздушных вертунов.

Послышались короткие смешки, которые с каждой секундой все набирали силу и скорость. Сперва означился глубокий вдох, а на выдохе мощные порывы таинственного звучания стали сотрясать металлические башенные перекрытия. Грозовые кручи опешили, растерялись, приняли изумленный вид. Они спрашивали себя: «Где же это было видано, чтобы мои мрачные и грозные, скрежещущие сущности придавали железистым раскатам смеха Значение? Нужно ретироваться, чтобы обдумать произошедшее!»

Хранители, не в силах стоять на отказавших ногах, повалились на полы стекла. Хватались за животы и от усталости не могли пошевелить ни ногой, ни рукой.

Гроза в предупреждающем тоне возвестила четверку:

«Шуточные действа должны упразднiться! А вы, несносные глупцы, поплатитесь куда большей потерей, чем мои структуры. Мы заставим вас смотреть на наши искусные, творческие вращения, и оно вас покорит! Сердце долой – время вспять!» На этих словах клубы гневных облаков унеслись в известном им направлении, оставляя Высоту в звенящей хрустальной недосказанности.

Присутствие Грозы во мгновение ока рассосалось на невесомых высях, снова открывая взору приятную и умиротворяющую голубоватую лазурь. Высота Стекла снова прорезала привычную чистоту утихшего неба. Угроза миновала.

Первым подал голос запыхавшийся Фери:

– Это была отличная идея, друзья, – обращался он ко всем присутствующим, – прогнуть раскатами смеха грозные облака свирепого, творческого вихря!

– Знали бы мы раньше подобный эффект, то заранее бы установили усилители в стратегических местах, а те, в свою очередь, собственными мощностями распространили бы по городу Мяса наше смехотворное настроение! – сказала Ариадна и постучала кулаком по стеклу, на котором лежала. После небольшой паузы, в некоторой задумчивости она заключила, – внутри черепной коробки нашей Башни стало будто бы свободнее, чем раньше. Если хотите, можете сами

в том удостовериться.

Остальные также принялись стучать по стеклу, внимательно прислушиваясь, а после сего действия все согласно закивали, соглашаясь с хранительницей.

Смех имел одно целебное свойство – очищать хрупкие ткани психического органа, унося в утиль отработанный материал «разумных» сполохов мыслей, ставших обыкновенным мусором. Электрические сигналы, пронизывающие стеклянный мозг, с приходом «смешного присутствия» мощными импульсными всплесками выталкивали все «лишнее»; а вместе с тем уносились в небытие и некоторые страшащие элементы из внешнего окружения. Вообще, смех всегда имел особый успех в дружественных кругах, разряжая сгущенный дух обстановки элементом расслабленности, а теперь вот выяснилось, что он возымел своей простой формой еще одну полезность.

Друзья приходили в себя. Те из них, кто был побыстрее и сноровистее помогал коллегам «по несчастью» подниматься с прохладных полов. Кто-то держался за голову, проверяя ушибленные места, кто-то в растерянности оглядывал прозрачные стенки, силясь отыскать то ли кольцо, то ли еще какой аксессуар.

– Грозовой фронт обещался вернуться и показать нам творческий эквилибриум. – Вымолвил Титан, – думаю, нужно запастить аудио нашего смеха, чтобы встретить призрачную мару во всеоружии.

Глорис, вняв плану хранителя, продолжила:

– С наступлением ночи надо будет вырубить питание во всей Башне, а также на всем видимом пространстве вокруг, чтобы расчистить себе дорогу к отдохновению Вне, когда завершится очередной грозовой налет. Но сперва мы запишем наш смех, да, а еще хорошенько припрячем отхваченный от Грозы клочок. За дело!

Четверо хранителей перешагнули раскрашенные розовой жидкостью полы стекла и с помощью мощного лифта в короткий миг преодолели пятьдесят этажей родной сердцу громадины. Оказавшись в структурном преобразователе материи, эта неумолимая четверка с высокими и занесшимися вдаль легкими принялась совершать воздуходувные движения, с громом и шумом наполняя электронные сосуды преобразователя несметным количеством искрящихся

смешков. Через двадцать минут действо было завершено, запись оказалась в памяти оповещателя. Теперь четверка могла отдохнуть и все они в полном составе вернулись на вершину Высоты, в уютные покои прозрачного стекла.

Уже находясь наверху, хранителям требовалось прибрать шпиль, сослуживший хорошую службу, в безопасное укрытие. С помощью двух цветастых кнопок, выполненных в красном и зеленом оттенках, острая шпилька оказалась втянутой внутрь Башни. Эту тонкую блестяшку завернули в мягкие ткани серебристого шелка, а полученный клочок Грозы поместили в заранее очищенную от земляной пыли джутовую мешковину. Клок не издавал каких-либо звуков, когда послушно ссыпался в грубые материи. В нем вообще не было ничего из того, чем обычно наполняются пленники размашистых долин города Мяса. Четверка с облегчением улыбнулась, когда последней повязью мешковины окончательно скрылась из виду молчаливая воздушность мрачного клочка.

Глорис, Фери, Ариадна и Титан одновременно потушили свет Башни. И весь Павильон вмиг погрузился во тьму.

Глава вторая

Как бы забавно то не звучало: в непонятных любому человеческому гению пространственных потоках воздушных масс сокрыта вполне осознаваемая и в какой-то мере понятная мыслящая жизнь.

Гроза вернулась в свой Дом и в гневе стала швыряться анионными частицами в своих спящих собратьев – тучных мрачнот с ароматом давно не снимаемых регалий. Частицы отскакивали от успевших задеревенеть сущностей, которые во снах наблюдали миражи обыденных пороков, таящихся за крутым скатом-шиворотом волнообразных крыш собственного имения, название которому Дом.

Человеческие души их интересовали больше, чем собственные дела. Практически тем же сейчас занималась и Гроза, обыскивая полупрозрачные кладовки в поисках наилучшего холста, ярчайших же красок и Вдохновения. Последнее обнаружилось в маленькой шкатулке, видом напоминающей перистое облачко, поддернутое персиковым свечением заходящего солнца.

Субстанция Вдохновения переливалась мягкими теплыми цветами, и тучная Гроза с тихим восторгом рассматривала это маленькое, но очень ценное сокровище.

«Те хранители с Высоты не смогут устоять перед такой Красотой. Я заволоку их взоры перистой прелестью, размажу яркие краски по холстам с чувством превеликого достоинства. Они не смогут устоять перед подобным творческим действом. Взбалмошная четверка признает в нашем племени шедевральное начало; они похлопают в пятипалые руки и забыв самих себя будут выкрикивать потрясенными голосами – «Браво Туча, браво вашему художественному помазанию!» Маятели-блюстители вернут нам клочки нашего воздушного тела и все станет прелестно хорошо. Истина!» – такими думами наполнялось сознание Грозовой кручи.

Ее братия, почуяв нечто, вывернулись из лап дивных сновидений, и, влекомые внутренним тяготением к разливающемуся повсюду свету Вдохновения, повытягивали к источнику воздушные ручища. Их взору предстало свечение, которого те за свою еще короткую жизнь никогда не видывали. Сей свет поднимал их молодую восприимчивость на высокие полочки, где обычно обитает звездная невозможность. Они подивились этой внефизической сласти и спросили сестрицу-Грозу:

– Что за светящееся чудо, Гази? Такой цвет бывает только в пределах высокого и сахарного сиропа!

– И красуется оно у самого подножия богоподобного Космоса!

Туча, смерив строгим взором братию, четким голосом стала вещать:

– Данная светлота приблизит корону одобрения к нашей тучной голове, мои дорогие. Люди не в силах устоять перед Подобным. Никогда еще, помяните мое слово, никогда и никто не смог отвернуть взгляда от сего дива. Никогда еще, помяните мое слово, никогда и никто не смог отвернуть взгляда от сего дива. Да что люди, даже мы, воздушные кручи, которые за свою долгую жизнь смеем наблюдать превеликое множество самого разного толка как доброго, так и злостного, и все-таки, перед этой с виду малюткой готовы распластаться и падать вверх всем своим существом! Я отчетливо видела, как такая персиковая длань сражает некогда размеренный разум последнего императора Земли,

который, как вы помните, уступил драгоценное наместие Правителя слезе стеклянного очарования.

– Высота Стекла использовала это одурманивающее свечение, чтобы все видимое-невидимое прибрать к собственным ручищам? – Вымолвили братцы и всплыли с належанных мест, почти вплотную приблизившись к тучной Грозе и мягкому источнику света в ее руках.

– Да, и название ему – Вдохновение.

Облачка пришли в состояние исступления, захотели прибраться и начистить до блеска туманную комнату, в которой находились, чтобы лучше видеть сияние душевоспаряющего великолепия. Гроза закрыла шкатулку, дабы не растрачивать красоту их будущего триумфа. Она мечтала, как будет плыть с собратьями, облаченная в одежды из кристально чистого лунного серебра; как люди вокруг будут не страшиться её семейства, по обыкновению, а наслаждаться открывшимся видом и млеть от восторгов, рукоплеская чистейшему свету Вдохновения. А какие картины они напишут красками, уф! Лучшее дело, находясь в ожидании – петь в трубу из Стекла.

Задернутая шелковой нитью круча Грозы, будучи в приподнятом настроении, решила навестить своего пока что друга, а далее будущего мужа – Отцепи-Прицепи Ура, толстостенного сосуда из ледяной крошки и ураганного, сносящего с ног ветра.

Воздушная высота, на которой сейчас громко шептала грозная туча пришла из далекой области Земляного правосудия – Черного Подреберья. Там не живут человеческие дети, там властвует холодные ветра чистого разума, который остается пока еще недосягаемым Павильону Мяса. Почему грозовые облака вообще навещают те, казалось бы, сугубо материальные края?

Правление последнего монарха было «свергнуто» слезой Стеклянного наваждения, что своим великолепием и неуемной силой души пленяет не только сердца, но и разумы. Стекло с незапамятных времен с громадным удовольствием помазывает головы всем теплокровным в радиусе его нахождения. Лучшие из тамошних сознаний желают совершить последний прыжок в недра Земли, чтобы, как им во снах навевает Стекло, перейти из одного состояния бытия в другое, более счастливое и красочное. Скинув одежды прошлого, таким вот образом

принять «Очистительного Огня» в сердце, на душу и в ноги.

Темные грозовые кручи пугают людей, чтобы вложить в их тонкие эманации чувство страха, которое, как известно, является хорошим средством протрезвления. К чему тех вообще надобно «протрезвлять»? Облачные напасти грезят их вниманием, а когда то практически полностью принадлежит другому элементу, грозы свирепеют и одновременно с тем жаждат, желают и исходят горестным нытьем по утере. После каждого набега Грозы люди на несколько мгновений вспоминают себя, родных Солнцу детей, оглядываются на кучные темноты, но уже под расчет «девять» теряют эту нить и снова пускаются в мление о доступно-недоступной Высоте Стекла.

Напученная круча потому и желает испить Вдохновения, чтобы сделаться желанной красой всего Павильона, обратив их внимание на свои блистающие в звездном ветру пушистые закатные телеса.

Гроза уже достигла далекого горизонтального парапета, где дальше – только стужа и мрак космической синевы. Отцепи-Прицепи Ура встретил её в хорошем расположении духа. Он сказал дорогой гостье:

– Твоя мрачность затмевает все остальное в этих краях. Иногда мне даже начинает казаться, что области абсолютного минуса, по сравнению с твоей темной тучностью, подобны детской космической забаве. Ты как всегда прекрасна, Гроза! – Его ветряное тело распростерлось к туче туманящимся воздушно-ледяным отростком. В холодном объятье он примкнул к ней парой кучившихся выпуклостей и вымолвил. – Мое приветствие исполнено удовольствием; я обожаю чувствовать твои колоссальные объемы!

– Ты очень нежный и внимательный, Отцепи-Прицепи, даже твои ветры не смогут рассеять тот особенный туман, который копится нами на простодушных областях любви! – Расчувствовавшаяся Гроза от нахлынувших чувств было перелилась за парапет, но Ура мощным атмосферным давление согнал её жидкости поближе к себе.

– Наш союз продиктован свыше, не иначе. – Сказал Ура.

– Еще выше, чем находимся мы? – Спросила Гроза.

– Где абсолютно минусовая температура! – Ответил Прицепи.

Тем временем, дикие осы мировой Высоты, бденствующие на страже порядка и доблести, занимались тем, что прослушивали записи, любезно предоставленные четырьмя хранителями. Поварской колпак у одного из главных глашатаев накренился в левый бок и затрещал от тихого гнева. Они слушали пояснительную записку «о произошедшем», а также внимали дикому смеху, разбросанному по аудиодорожке, и причмокивали от деланного удивления.

Главному было доложено, что Гроза собирается принять вид чудесного миража, желая одурачить тем самым людское восприятие, волшбой прибрав тех в свой кучный стан. Собравшийся совет принял дело на оборот, выплескивая в высокие сферы особенно ледяные ветра, чтобы те уж точно достигли нежащихся тучных громадин.

Этот знак являлся предупреждением для Грозы, чтобы ее натура спе?шила свой стремительный шаг и заранее убоялась более мощного ледяного мрения, от которого может замерзнуть всё небесное: и воздухоплаватели очаровательных звездчатых цветов и леденеющая прелесть далекого и негаданного запределья.

Она все еще миловалась с Ура, когда их застиг грубый и колючий ветер. Первым пошатнулся Отцепи-Прицепи, завлекая в последний поцелуй тучную Грозу.

– Это главное предупреждение, дорогая. Если ты продолжишь свой поход к Вдохновению, то это может закончиться нашей смертью! – Кричал Ура, преодолевая мощные порывы зачавшегося вихря.

– И пускай, – так же громко отвечала Гроза, – ибо это того стоит! Оно стоит даже больше, чем ты смеешь себе вообразить! – Туча развернулась по направлению к своему Дому, намереваясь уйти. – Мой милый, я, пожалуй, оставлю тебя на некоторое время, чтобы не подвергать твою туманную леденистость опасности. Эти стеклянные прихвостни нас так просто не возьмут, я наплюю на их гладкое бдение, а ты помни меня добрым и радостным словом!

– Хорошо, Гроза, я буду посылать тебе мысленные токи на успех и удачу! Нежные чувства с нами!

Эхо унеслось за барьер пограничности, направляя поток звука во внешние области Высоты. И та все услышала. Достижение звания Грозы стоит пятисот лет болтания-кручения в небесных воздушностях. Самые стойкие и смелые, задернутые в сумрак вечера могут посметь кланяться Космосу, чтобы тот, обнажая красные десна, расплывался в улыбках, выбирая лучшее из лучшего, провозглашая новое Грозовое чудо.

Хранители Стекла предавались своим обыкновенным занятиям будучи на высоте 100-го этажа. Они правили дневниковые записи, которые являлись важной архивной звездностью на рукавах каждого из них. Жидкий снег, падавший с небесного колпака, мерно оседал на глади стеклянной прелести, расплываясь тоскливыми кляксами. Глорис невидяще разрисовывала кремовые листы дневника розовой пастой, не то желая отметить день общей скорби, не то оказывая внимание очередной интуитивной ленте. Все они сидели в полной темноте, ожидая Наплыва.

В таком занятии и внешнее и внутренне время растягивалось на манер вечного двигателя, крошащего неумолимым роком растворения каждое живое сердце, каждую стеклянную постройку и само пространство рассекая на половинчатое очарование, которое впоследствии достанется только Космосу.

Фери с Ариадной прошлепали по хрому прозрачного пола, намереваясь предаться бегу взад-вперед по спиральным лестницам Башни, желая тем самым скоротать тягучий ход опоясавшего их времени. Выйдя на нижнюю площадку хранителю что-то показалось в направлении единственного источника мягкого света – блистающего сфероида Сердца, которое дышало и ухало за весь город. Его полуночное наместие немного сдвинулось в сторону. «А это знак», – вспоминал Фери, – «который не предвещает собой ничего хорошего».

– Я пойду проверю сердцевину, – Сказал огуречный молодец своей напарнице, – у меня предчувствие разваренной каши в правом подреберье. Жди здесь, Ариадна. – Хранитель с огурцовым телом в костюме совы воспарил над лестницей, приняв вид мягкой капли, уносясь во взволновавшее его средоточие срединного мерцания.

Его взору предстало совершенно фантастическое действо: остряк Время чинно отколупывал от Сердца Башни по маленькому кусочку, и, макая каждый в соус

из соленой карамели, отправлял их в рот, открывая сим малюткам путь в дальнейшее путешествие по собственным животворным сосудам.

Фери вперил в метафизическое одеяние Времени ошарашенный и глупый взор, а тот лишь одаривал гостя милой улыбкой. Хранитель хотел выдавить из себя слово, но не мог – его губы приклеились друг к другу стремительно застывавшей карамелью.

– Ты и твои друзья – глупцы, – обращалось Время к хранителю, – вы вознамерились слинять с Высоты Стекла, погрузив во тьму все достояние города Мяса. Вы – эгоистические свиньи, пожелавшие легкой участи.

Остряк прошлепал возле сердцевины, рассекая её корявым прозрачным осколком. Фери мычал от боли и негодования, но сдвинуться не мог. Время усмехнулось и продолжило говорить:

– Не уж то вам надоело размеренное житие в Башне, ваши живые глаза заволокло скукой, а тела начали превращаться в жиле из клубничного сиропа? Подумай об этом: Император не зря отдал царский трон Стеклянному провидению, чтобы кучка холуев развалила блистающее очарование города эгоизмом и страхом.

Время снова примкнуло к сердцу и принялось отколупывать от светящегося средоточия кусочек за кусочком. Длиннодействие смачно причмокивало от удовольствия и спустя вечность таки взяло короткую паузу, чтобы сказать:

– Я заморозил течение себя в вашем восприятии, а Сердцу не будет никакого урона, даже если мои крючки отсекут и добрую половину сей животворной красоты, ибо то лишь иллюзия в нашем видении. – Он погрузил подобие рук в размягченные материи сердцевины, пристально вглядываясь в хранителя, а тот исходил леденящим потом.

– Вы должны прийти к соглашению, чтобы достойно встретить тучную Грозу. Нам, высшим проявлениям современного мира, кое-что известно о её планах, и наше присутствие постарается не допустить рассечения мировой оси ни каким бы то ни было Вдохновением, ни творческими вращениями художественных образов. Ибо всё вокруг так и пищит скорым восходом морского света! – Радостно воскликнул говоривший.

Он освободил свои культяпки и, указывая ими на исходящего ужасом хранителя, сказал, – а теперь ступай, Фери, и предупреди остальных. Время – колобок. Помни об этом.

Хранитель выпутался из склочного пространства и, поглощенный только что увиденным, побрел в направлении главной комнаты, где обитали все остальные. На витой лестнице он встретил Ариадну, которая застывала в позе бегуньи. Она улыбалась своим довольным лицом, медленно махая руками в такт биению сердца. Хранителя передернуло от воспоминания о Времени. Продвигаясь дальше, Фери обнаружил, что его губы свободны, но это отнюдь не прибавило уверенности или настроения. Чем ближе он подбирался к сотому этажу, тем дальше отложенным все казалось.

«Время и тут поработало, разматывая мои нервы, бросая в восприятие замедленную бомбу, которая окончательно развернет свою мощь, когда я отправлюсь в мир пограничности», – думал хранитель, шлепая по стеклу совиными перьями да булькая огуречным телом.

Тем временем до главной залы оставалось всего десять шагов, но пространство словно насмехалось над ним, все более тормозя и без того тягучий ход и всякое течение жизни вообще. С омерзительно замедленным бульком он кое-как повернул свое тело, желая еще раз посмотреть на Ариадну, которая занималась тем же, чем и он – поднималась на вершину Стекла, но увидел лишь застывшее нечто, больше напоминающее восковую фигуру.

Ужас понимания начал топить Фери. Он понял, что в одно мгновение из свободного глашатая судеб превратился в жалкую мошку, над чьим телом вздумал измываться превосходящий его во всем противник. «Скорее палач», – заскрипело у хранителя в извилинах. Ему жадно захотелось придаться оглушительному крику, чтобы растормошить пространство вокруг себя.

Растянутое «Миииииииииииииииииииаааааааааааааа…» вознаградило Высоту Стекла блеском отчаяния угасающего сознания.

Глава третья

Пустая голова с глухим треском упала на еще влажный от недавно прошедшего дождя асфальт. До этого тихое пространство стало теперь наполняться резким плачем новорожденного ребенка. В глазах рябило мутноватыми цветными картинками. Человеческое тело обнаружило себя лежащим посреди просторной улицы обычного спального района. Крик дитя выступал в восприятии как бы маячком, который мало по малу стал возвращать сознание из обморочного тумана.

Ранее утро. В забытьи человек наблюдает как к нему подходит молодая женщина в пурпурном кардигане, у нее на руках ребенок.

– С вами всё в порядке? – Мягко, словно из-под воды, вещал женский голос. – Быть может вызвать скорую помощь? – Продолжала любезная женщина, а новорожденный мелко и противно пищал, всхлипывая сопливым носиком.

Человек попытался самостоятельно встать, но как только обе его ноги коснулись блестящей поверхности асфальта, он тяжело рухнул, приняв горизонтальное положение. Его снова толкнуло во тьму.

Выплыть на поверхность к миру, загадочному страннику помогла щеточка Вермейера – художественная кисть в руках у медсестры. Он услышал над собой щелчки и ощутил на коже мелкие касания щетины; потом услышал сестринское веселое щебетание:

– По только что прибывшим данным его имя Ян Крейцер. Мужчина средних лет, уроженец провинциальной деревни близ Оранжа, среднего телосложения и среднего же положения в обществе. – Снова пощелкав клавишами медсестра в удивлении вопросила, – как его вообще занесло сюда, в наши края?

– Пускай с этим разбираются ищейки. – Послышался еще один голос, явно принадлежавший мужчине. – Как же эту тушку размотало все-таки, – на этих словах послышался звук, похожий на скрип, издаваемый резиновыми колесиками по кафелю. – Его обнаружила женщина, и она сказала, что этот человек возник словно бы из пустоты.

– Обычная прогулка неподалеку от собственного дома обернулась в межпространственную находку. Как часто такое вообще происходит, а,

Мирадо? – Мужской голос принял игривые интонации, был слышен последующий за репликой звонкий смешок.

– Раз в глумливое Никогда, – ответила посмеивающаяся медсестра.

Белые стены прорезались сквозь мрачные коридоры незапамятных мар. Ян Крейцер ощущал как умирает каждую секунду времени и как свет безбрежного мира вновь возвращает его в настоящее. А настоящее ли это «настоящее»? Он не помнил своего имени и прошлого места жительства, и вдруг эти медики, преследуя недобрые цели, решили одурачить его, потерявшегося простака, подсунув под нос выдуманную легенду?

Гладкий металл скальпеля блеснул в тот момент, когда мужчина собирался было распахнуть ясный взор карих глаз. Он так ничего и не почувствовал, и, ах, это была простая манипуляция некоего «обезжиривания мягкого вещества», как сказала сестричка. Хотя Крейцеру в тот момент показалось, что его собираются прирезать, чтобы потом пустить на органы. Что за глупец?

За тысячу километров от Яна певучая деревяшка выплескивала во внешние края дивную воздушно-звуковую деятельность, чем-то напоминавшую мелодику старого граммофона. Играла музыка позднего ренессанса, скрипучим наседом орошая все близлежащие, покореженные дома. Из одного такого дома выбросилась девушка-подросток, от снедающего ее страха больше похожая на желеобразную палочку от мороженого. Такие обычно рассасывались под теплым нёбом, ни оставляя за собой ни единого пятнышка или даже сладкой крохи.

Дева побежала по залитой жарким солнцем пыльной дороге, проливая горячие слезы. Она убегала от участи, которая приходит к каждой деревянистому агрессору, вздумавшему диктовать внешнему миру собственную волю. Инициатива здесь наказуема и каждый, кто осмеливался перечить незапамятному «уставу О», подвергался весьма незавидному сценарию «особо медленного уничтожения».

Граммофон стрелял разноцветными искрами, довлея воспоминаниями о старых китайских фейерверках. Простота использования сего демона-карателя в том, что он разрывает перепончатое мозжечковое тело, разжижая кровь до состояния летучего пара. Красная жидкость под воздействием мощных звуковых волн превращалась в газ, тем самым осушая тело, как осушает русла рек

беспощадная засуха.

– Мне нужен Ян Крейцер, его гладкая структура произвела мощный выброс квази-вещества из параллельной реальности. Память Крейцера пока еще не сыграла с ним треклятой шутки, и нам нужно как можно скорее его перехватить, иначе… – Сознание девушки подверглось перехвату, его матричную сеть использовали для передачи важной информации. – Как отыщете его тело, располовиньте небеса на четыре части и дайте знак в Высоту, что все под контролем. Тогда дело зачнет особый оборот, и мы будем спасены. А теперь отбой, Кра! – Желеобразное тело девы качнулось в горячем воздухе в последний раз, перед тем как упасть в стылость небытия.

Зловещее очарование дерева прикончило еще одну короткую историю. Не успела птичка вылететь к блеску созвездий, как тут же была поглощена смертью! Какая нелепица.

Главный по Оранжу был беспощаден к проявлениям «инородных квохнутов», как он их называл, что выползают из таинственной пасти близко расположенной параллельной реальности. Он страшился того потока, который захватывает чувствительные сознания, превращая тех в свободолюбивых особей.

Мясо Павильона было связано с настоящим миром посредством некоторых сознательных конструктов, которые проявляли отдельные человеческие существа. Эти несчастные подвергались неусыпному наблюдению и стоило только одной фантастичности вылиться из их жаркого неонового чрева в наружный мир, где пестрел Оранж, то вся последующая жизнь «счастливца» оказывалась помеченной знаком пятиконечной звезды.

Такое положение имело свои минусы, преграждая путь к гармоническому развитию обоих миров. И доходило и вовсе до того, что устраивались стихийные митинги против такого мясодробительного положения, хотя, по обыкновению, эти митинги очень быстро сходили на нет, ибо деревянная музыка резво и бодро разгоняла нарушивших «размеренный» покой. Также ходили слухи, что вскоре непримиримость обоих миров вконец разрушится и наступит тот желанный мир, который раскроет потенциал всеобщего сознания, явив шедевр художественного Вдохновения. Но, как всегда, у подножия такого новшества стоял бюрократический аппарат, нежелающий изменений, которые непосредственно приведут к большим перестановкам. Консерватизм, кра!

Неустанное бдение Оранжских ищеек до конца дней и нарост в психической сфере, отвечающей за восприятие, делали связистов-людей склонным к порывам саморазрушения, которые часто мешали достигать преклонного возраста. Деревянная музыка была любимым средством наказания местных палачей, а пятиконечные звезды на правом предплечье делали любую попытку к бегству чем-то абсолютно за гранью возможностей. Звезды сверкали ярким красным светом, когда один из меченых решался на побег из Черного Подреберья – мировой песенной страны, которая раскинула свое влияние по всей оконечности планетарного бдения и выступала этаким колпаком всей видимой реальности.

Красный цвет в этом забытом богами месте являлся призывной тряпицей для соединительных токов между миром настоящего и параллелью Стекла. Ян Крейцер вызвал порядочное возмущение в тонкоэнергетических полях, чем недюжинно удивил наблюдающих. Такого мощного изучения не было со времен основания блистательно-пестрого Оранжа.

На другой оконечности бдения, сущность Яна была хранителем доблести самой Башни, и звали его святую ипостась Фери, который имел огурцовое тело с отчетливым совиным отливом и костюмом из перьев. Что произошло на той стороне – остается до сих пор неясным. Временная канва попросту остановила свой ход, заморозив все выходы для связи. Оранж оставался в неведении и единственным средством узнать оставался Ян, который в настоящее время полеживал в белых палатах за тысячу километров от своего привычного места пребывания.

Его красная звезда не зажглась, как должна была, и это явилось еще одним моментом, помимо внезапного пробуждения инородных проявлений, который так взволновал наблюдателей.

Яна Крейцера катили на простецкой каталке по серому бетонному тоннелю, в место, которое станет тому новым прибежищем.

– Нам нужно спешить, наверняка оранжские прихвостни уже прознали о пропаже своей драгоценности! – Сказал парень с зеленым ирокезом. Он двигался быстро, но с осторожностью, стараясь делать как можно более длинные шаги, чтобы время, не дай звезда, не остановило свой ход и здесь.

Рядом с ним таким же бегом передвигалась девушка в легком одеянии из черного фатума. Одной рукой она делала вращательные пассы, тем самым ограждая процессию от взора каких-либо «искателей», а другой придерживала старую каталку с мужчиной, не давая той сбиться с намеченной дороги, ибо колесики гремели и казалось, что вот-вот и все рухнет прямо на холодный бетон.

– Тело этого чудака не производит никаких признаков свечения, хотя при любом другом всплеске оно уже должно было трещать ярчайшим красным сиянием! – Быстро проговорила девушка. Ее рыжие волосы красиво разлетались от стремительного движения мимо проносящихся воздушных масс.

Впереди уже виднелась прореха кремового цвета, готовая захлопнуть свою спасательную пасть. Это была область, находившаяся под контролем самого Черного Подреберья. Она несла собой чуткую материю особого свойства, с помощью которой становились возможны быстрые пространственные путешествия. Двое людей решили воспользоваться ее чудом из-за того, что в силу своего положения не могли перемещаться на других средствах передвижения.

Сперва эластичной пленки коснулась металлическая каталка с телом на ней, а уже после, в последнее мгновение перед мощным порывом хлопка, прошмыгнули и парень с девушкой.

– Фух, успели! – Оба наконец смогли с облегчением выдохнуть.

А в это время проход окончательно скрылся, делаясь неотличимым от остального бетонного ландшафта.

Девушка откинула длинную челку назад, выбрасывая левую руку в жесте козы. Она неотрывно смотрела на распластанного на скупой подстилке спящего мужчину.

– Диана, информацию мы получим не раньше, чем через сутки. Крейцеру нужен долгий и освежающий сон. Так что ответы мы получим позже. – Парень с зеленым ирокезом приглашающе раскинул руки. Крепкие объятия – хорошая, весьма целительная разрядка.

Пара крепко обнялась.

– Твои объятия, Миста С, всегда будят во мне маленькую, хрупкую девочку, – Диана поближе уткнулась в черную джинсу напарника. – Пускай хоть на пару мгновений мы побудем вне всего происходящего. – Оба сим словам одновременно улыбнулись.

Сонливый туман Крейцера заворачивал того в кокон из тонко нашинкованного ароматного миндаля и сочных цветов малины – беспроигрышный вариант для коктейля, который непременно освежит восприятие.

Больничный скальпель сделал в воздухе всего один неглубокий надрез, как в палату ворвались, нет, скорее влетели двое. Ян увидал только промелькнувшие цветастые головы, напомнившие ему морковно-огуречный салат. В это время некие ленты обвивали его разум, протискиваясь через главные нервы прямо в хрусталик окуляра, взбивая остатки памяти, выказывая образ бесконечного движения где-то за границей любого известного опыта.

Забрезжило многоголосным эхом: «Фери… Время – это колобок. Пойди к друзьям, расскажи, пускай одумаются…»

Фери. Время – колобок. Размазанная улыбка перекочевала из воспоминания в настоящее. Губы Яна озарились клоунской карикатурой на довольное, умиротворяющее состояние космического бытия.

В джинсовой куртке Мисты С призывно запиликал оповеститель, обращая внимание на небольшое сдвижение тела мужчины.

– Эй, он расплылся в улыбке, смотри! – Сказала Диана и указала на лицо Крейцера. Девушка скорчила свое в некотором отвращении и вымолвила:

– Это выглядит странно. Его физиономия теперь больше похожа на гримасу с заговорщической насмешкой. Может накрыть его чем, а, Миста? Нам с ним еще долго возиться, боюсь, меня эта улыбка будет немного нервировать.

– А мне кажется, ничего такого ужасного в ней и нет. – Ответил парень, начав забавляться произошедшим. – Наверняка, Ян Крейцер видит сон, где его добрая сила стоит над мировым злом, взбаламутившим его покой, но нечто приняло обратный ход, и теперь он является средоточием демонической музыкальности,

потому и улыбается так.

– Ах, эти странники сновидений, эти певуны… – Говорила Диана, параллельно с тем немного нервическими движениями расправляя складку на эластичном браслете, на котором высвечивались прыгающие цифры. – По-настоящему мерцающие певуны никогда не искривляют свои лица в подобных усмешках, они сияют добротой и славой!

Начала сгущаться атмосфера недоверия. Парень пытался привести весомые доводы в пользу мужчины, а девушка отстранялась все дальше, словно захваченная неким силовым энергетическим полем. Вскоре ее взор заволокло видением открытого космоса с весьма недружелюбным приветом.

Из темноты, коротко посапывающему Яну плавно приходил образ некоего существа. Светящаяся тень превращалась во вполне опознаваемый образ. Теперь мужчина мог узреть, что рядом с ним стоит полупрозрачная девушка с локонами, а из ее груди выглядывает его дочь Мерцелла, и улыбается. У Крейцера защемило в груди от нахлынувших воспоминаний. Его дитя сгинуло в потусторонний мир в самый разгар развертывания мощи Оранжа.

Треклятое время полу-военного бдения отняло его любимого ребенка, за то что та вызвалась помогать оппозиции в деле «о перевороте». С того момента на его правом предплечье гулким набатом пестрела красная звезда. Ибо в Яне, практически убитым горем, проснулись нечеловеческие эманации той самой тонкой структуры, которая находилась под запретом и в настоящее время. Эти эманации имели довольно мощный потенциал к изменению энергетического фона любого существа, обладающего сознанием, которые в свою очередь были способны на переформовку внешних полей Черного Подреберья. Это то, чего власть имущие боялись даже больше, чем параллельную жизнь в лице Высоты Стекла.

Сон размазывал крейцерское существование, смешивая эти остатки с какими-то причудливыми осколками хрустального бреда. Мелькали тела, больше напоминавшие огурцовую пупырку вперемешку с совиными перьями, из небытия появлялись прыгающие люди фантастической наружности. Его взгляд становился локонами той девушки, которая здесь, в этом видении, наполовину являлась его ушедшей дочерью. Есть в этом какая-то стеклянная, эфемерная недосказанность, большими буквами стоящая перед выходом в наружный мир, к пониманию. И слово это: «ВЫСОТА».

В это время надсмотрщики достославного Оранжа принимали над головой все мыслимые попытки отыскать пропавшего меченного. Врачи были умерщвлены, а записи видеонаблюдения оказалась уничтоженными в пыль, словно бы их выжгли упорным давлением воли.

Оранжское присутствие, которое всегда являлось примером для подражания своему честолюбивому следованию правилам, подвели под черту большого срама, и это казалось чем-то невозможным, выходящим за все пределы этикета.

«Никто ничего не видел», да как такое вообще возможно? – Задавался вопросом глава столичного штаба. – Вы сканировали местность музыкальным деревом?

С кристаллического экрана последовал ответ: «Да, но и оно ничего не показало. Словно произошедшего не было вовсе. Абсолютно никакого возмущения тонких полей!» Данная информация бросила главного по обеспечению безопасности в холодный пот.

– Это вторжение… Данное похищение неслыханно, оно слишком остро впилось в наши упругие тела, это просто недопустимо! – Свирепел Нексус, наливаясь краской.

Раскат грома прошелся над богатой оконечностью оранжского полуострова, на котором находилась самая высокая башня из стекла. Она являлась главной достопримечательностью города и была практически точной копией Башни из параллельной реальности, но об этом сходстве все почему-то умалчивали, предпочитая тихое и размеренное: «ничего не вижу-ничего не знаю».

Тонкая пелена темного неба укоротила будничные сутки ровно на час, и довольные люди, освободившиеся от рабочего такта, разбежались по своим уютным домам и квартирам.

Мощно сотрясались облака от вихрей и тяжести, когда глава штаба, Нексус, несся по залитому дождем асфальту на хромированном шарокубе. «Тайна не должна выйти наружу, это будет катастрофа, нужно отыскать драгоценную пропажу, и предать всё это Башне на медитацию…» – думы и проклятия крутились в большой и несчастной сейчас голове нескончаемым потоком, приняв

наконец осечку в тот момент, когда громада шарокуба наехала на зеленое дерево с яркими оранжевыми плодами.

Сквозь темные тучи прорезалось певучее, желтое солнце, укутывая Оранж уютом и красотой. Певучие птицы с большим весельем расселись на покореженном металле машины. Нексус был жив, но его тело оказалось сильно исполосано тонкими разрывами и обширными кровоподтеками.

«Вот же поганая Мра!» – влажный язык сделал пару круговращательных движений, проверяя все ли зубы на месте. Глупый, почти механический жест помог мужчине прийти в себя. И в его голове, словно из учебной методички, понеслось: «Негативное влияние внешних мыслей может сильно отвлекать на продвижении важной миссии к ее успешному завершению. Если вам досаждают непрошенные потоки отягощающих дум, то примите расслабленную позу, и начинайте считать про себя: от круглого нуля до круглой же десятки. Через пару повторов вы заметите, что ваши мысли приняли упорядоченный вид и после этого вы сможете вернуться к своей работе».

Было достаточно нескольких минут для суетного освещения репортерскими промокашками. Один неверный шаг и ты – достояние экранов билбордов, в которых играет жидкая, переливчатая субстанция информации.

Башня привлекла своих неумолимых исполнителей высшей воли и прибрала место происшествие быстрее, чем кадр успеет выйти из фотовспышки. Оранжевые деревья просыхали на солнечных лучах, а искаженное средство передвижение главы призывно мелькало на огромных экранах, рассредоточенных по каждому кондоминиуму ровно по десять штук, перемежаясь с яркой рекламой ореховых шампуней и носками из шерсти розовых лапочек.

Нексуса везли на зеленом автобусе, в котором также находились посиневшие тела четырех хранителей Башни. Их искаженные формы наводили на мужчину толику глубинного страха, известного только видавшим инакую сторону мира. Но Нексус всегда старался не показывать виду или какой-либо стороны сомнения, ведь он должен быть несокрушимой скалой, и при любом раскладе дел, даже если все идет из рук вон плохо.

Их холеный «катафалк» уже подъезжал к стеклянной Высоте, когда синяя дева, Глорис, начала яростно жевать свои перекрученные локоны. Ее, эту гипнотическую бестию, хотели было одернуть, но она одним мощным замахом предупредила вмешательство. Было дело, когда Нексусу приснился кошмар, в дымной полуяви которого эта хищная Глорис жевала его плотное тело, ни отвлекаясь ни на громкие крики жертвы, ни на алмазные пули охраны. На любое из этих привычно отвлекающих моментов ей было одинаково все-равно. Она продолжала жевать оранжского главу, методично уменьшая площадь собственного лакомства.

– Старик Мебиус был славным малым, – недвижимым лицом прошелестела синяя хранительница. – Но он глупо пролетел в одном деле: писец смачно плюет другому писцу прям в рот! – Она принялась хрипло смеяться, и когда наконец успокоилась, спросила мужчину:

– Бесконечность в наших руках, Нексус, вы это понимаете?

Глава штаба коротко сглотнул, но ничего не ответил. Ему словно бы и нечего было отвечать, будто все слова разом провалились в желудок искаженной Глорис.

Вскоре автобус подъехал к Башне, и тут тошнота от всего происходящего начала заполнять провинившегося невниманием Нексуса. Можно было бы сказать, что он просто-напросто жертва прозаичной неосторожности, но как бы не так.

«Сейчас, наверху, пищалки-свистелки разматывают план о моей ликвидации», – такие мысли перекатывались у него в голове. «Но ведь я всего-навсего потерял контроль над машиной и врезался в оранжевое дерево, которых в Оранже сотни тысяч!» – в глазах Нексуса мелькали стеклянные глади циклопической постройки. «Вот именно что Потерял Контроль, этого оказалось достаточным», – мужчину начала охватывать тревога и грусть. Его вели под руки несколько хранителей, вся процессия в молчании продвигалась ко Стеклу. И вот наконец двери заботливо разъехались в стороны, впуская гостей.

– Ровен час нашей песне, уважаемые! – В фойе Башни их пятерых встретил смешной человечек с огрызком лица. – Песня Глав уже в курсе дел и ваша треска, Нексус, наделала ненужного шуму, – говорил человечек, заговорщически

подмигивая пробитым левым глазом.

– Я знаю, что в некотором роде пропел сухую мандолину своим невниманием и готов за это недоразумение понести наказание. Но сперва мне бы очень хотелось встретиться с Главами и поговорить с ними в приватной обстановке. – Сказал Оранжский глава и принялся переваливаться с носок на пятки и обратно, успокаивая тело мерным раскачиванием.

– Понимаю вас, но это, боюсь, невозможно. Они ценят чувство безопасности и им важно, чтобы пространство оставалось доступным для народных масс. Поэтому вашу беседу будут показывать в прямом эфире. – Отвечал этот смешной человечек, и вместе с тем еще пуще принялся подмигивать глазом. Наигравшись, он хлопнул толстыми руками, восклицая:

– Поздравляю вас с новым почином, Нексус!

– А если посмеете свернуть на попятную, – вмешалась синяя Глорис. – То я сделаю с вашим лицом то же, что и с лицом этого маленького человечка.

Из ее полуразмазанного рта свисала влажная, пожёванная прядь.

А в это самое время, между полуразвалившимися перевалами бетонных тоннелей бдели трое людей. Двое на ногах, тихо переговариваясь, топтали мелкую серо-розовую пыльцу; один на каталке, лежал сном живого мертвеца.

– Миста С, а что, если нас все-таки обнаружат? – Спросила Диана, вынимая из набедренной сумки маленький прозрачный пузырек заранее приготовленного снадобья. Оно переливалось едва видимым жемчужным сиянием.

– Если бы я не знал, что данное снадобье приготовила ты, то я бы хотел тебя предупредить чтобы ты была осторожней с этой восстанавливающей «отравой». – Сказал парень и осторожно взял из рук напарницы пузырек. – А по поводу «если нас обнаружат», то смею тебя заверить громадой своего сердца и юрким умом, что это нечто из области фантастики. – Заключил Миста, разглядывая жидкость на тусклом свету тоннельных фонарей.

– Мы не издаем какого-либо излучения, на наших запястьях красуется браслет из металла, стекла и дерева – трех ипостасей настоящего мира, которые взаимодействуя, поглощают себя, аннигилируя тем самым окружающее пространство ровно такого объема, чтобы хватало на одну персону. – Девушка натянулась подобно струне рояля, почти автоматически выпалив эту мини-инструкцию, а после быстро обмякла, принимая расслабленную позу. Глянув на парня, она сказала:

– Извини, я иногда поддаюсь внешним течениям мысли, и оно порой сбивает с нужного настроя.

– И у нашего Яна Крейцера такой же браслет, так что все путем! – Весело воскликнул Миста С, приседая на обрубок каменной скамьи.

Когда-то эти тоннели рассекал теплый воздух вагонов метро и многие миллионы существ ежедневно пользовались этим уже устаревшим и канувшим в небытие видом транспорта. Когда-то здесь гулял запах старого, усталого железа, вместе с щепоткой ароматной резины и искусственного освещения. И через серый бетон тянулись нескончаемые потоки людей, которые, находясь в этом вынужденном заточении блеклого подземелья, стремились парой мгновений достичь желаемой остановки.

Здесь можно провести короткую метафору: «Ежели тварное бытие разглагольствует через тире и комкается для достижения мелких целей, то и наивысшим гладям можно помечать свою грудь лаконичным двоеточием», – а значение этих строчек будет изменяться от сознания к сознанию, кочуя в размашистом диапазоне множественных смыслов.

– У моей бабушки была колода Таро, – Начала рассказ Диана, – древней науки прорицания. Там красовались огненные булавы, острые пики, лучезарные чаши и звонкие монеты. И однажды, будучи еще маленькой девочкой, я взяла эту цветастую колоду, большой лист бумаги и клей. – Девушка остановилась на этом кусочке, выдерживая сентиментальную паузу. – Да, я сделала коллаж-звезду, форменное «безобразие», как то обозвала бабушка. Мне казалось, что данное творчество вполне достойно этой науки. – Диана рассмеялась. – Когда бабушка пришла с прогулки и увидела сие творческое панно, то пришла в такую дикую ярость, что отлупила мое мягкое место плотно скрученными ветками полыни.

– А потом, спустив раздражение и шок, она извинилась за свою агрессию и крепко обняла тебя, так? – Улыбаясь сказал Миста С. Он взял за руки стоявшую девушку, и усадил на скамью рядом с собой, благо место как раз хватало на двоих.

Диана продолжала:

– Нет, она меня вышвырнула из дома, сказав, что эта была единственная в своем роде колода, которую ей по молодости подарил ее горячо любимый человек. Единственное, что она сделала для меня после этой заварушки, так это расшифровала получившийся на бумаге расклад. Вот каковы были слова: «Высота Стекла пробьет брешь между мирами и недра Земли рассыплются в прах. Течение Наресина спасет мелкую кучку людей, которые всю свою жизнь посвящали служению людям. А твоя песня, Диана, завершится не раньше, чем на рассвете покажется птица синего огня». – На этом отрезке рассказа девушка пожала плечами, давая понять, что и по сей день эти словеса остаются для нее загадкой.

Парень приобнял напарницу, говоря:

– И происками дальнейшей судьбы тебя занесло в отряд Лагуна!

Диана рассмеялась, подтверждая фразу Мисты.

– Да, именно так.

Мужчина на каталке внезапно поднял правую руку, образуя ей и своим горизонтальным телом ровный угол. Его глаза открылись, зрачки бешено забегали и глотка вдруг исторгла душераздирающий крик. Диана выхватила из руки Мисты пузырек с жемчужным снадобьем и подбежала к нарушившему покой Яну. Придерживая одной рукой тому рот, вылила содержимое, полностью опустошив прозрачную склянку.

Крейцер разом обмяк, приняв данное ему умиротворение за вполне резонный подарок. Его сухие губы беззвучно шевелились, словно бы он рассказывал некую историю, предназначенную только для мертвецкой пустоты. К мужчине подошел Миста. Он извлек из объемной серьги, что отягощала его правое ухо, клочок пурпурной сваленной шерсти. Промокнул получившийся шарик собственной

слюной, расплющил двумя пальцами и помазал этим диском основание носа мужчины, а также его сухие, растрескавшиеся губы.

Двое лагуномолодцев в молчании наблюдали за потерпевшим. Вдруг хриплый голос прорезался из темноты забытья, и стало слышно, как Крейцер глухо перебирал разные окончания: «… нин, тва, ве, ро, ов, тр, ын…».

– Он проглатывает слова! – Воскликнула Диана, собирая руки в кольцо. – Нужно сделать шейное растирание, пока его сознательное движение находится в полудреме. – Девушка возложила свои руки на шею мужчины и принялась мягко разминать его упругую глотку.

Парой раз за массаж Ян выдыхал мутные, замученные слова, но их значение оставалось загадкой и для Дианы, и для Мисты, который с напряженным лицом внимательно наблюдал за происходящим, стараясь не упустить ни одной крохи из спасательной миссии.

Голос помраченного Крейцера снова затих, а потом обрел осмысленные нотки. Теперь его губы уверенно выплевывали целые предложения: «Фери много может рассказать, ваша песня – не очки на глазах, а только мешанина потерянных образов детства. Моя дочь, Мерцелла, параболой выгнулась из-за грубого Оранжа и мелочности сих властителей. Если бы я мог пронестись через громады тысячелетий по эллипсу эх-Юпитера, то я бы расколол сердцевину Башни на мелкие кусочки. И Настоящее никогда бы не увидело Свет».

Глава четвертая

– Деревянное недоразумение седьмого же слоновьего пота! Нексус, как тебя угораздило не только профукать беднягу Крейцера, но и вляпаться на оранжском же средстве передвижения в одиноко стоящее оранжевое дерево? – Один из Глав раскатывал желеподобными телесами на манер тучного облака, извлекая слова из тонкой щелочки, которые находились в надбровных складках лица.

Нексус оказался в очень светлой и просторной зале, в самой середине стоял одинокий стол со стулом, а впереди, протяжным полукругом расположились Главы, а по всему периметру огромных пространств залы мигали и щелкали камеры. Прямой эфир упруго высвечивал лицо мужчины.

– Присаживайся, уважаемый столбец. Можешь принять в знак особой признательности то, что мы не заставили приходить тебя голым и твою голову не покрывает красный набалдашник из мягкого велюра. Все-таки старые заслуги чего-то да стоят! – Сказал Второй Глава и заливисто рассмеялся, стреляя яркими молниями вокруг себя и уносясь в дебри веселящего душу делирия.

Оранжский глава сел за стол, на его поверхности лежали тонкие листы белой бумаги и бардовая авторучка.

Уверенным, громким голосом Третий Глава дал старт процессу:

– Перед нашим чутким вниманием предстал глава местного департамента по безопасности Наресин Нексус. Его промахи навлекли на наше славное достояние, Башню, множество кривых зеркал перетолков и проклятий из народных масс. Люди словно одним махом разуверились в силе нашей власти. Видимо, градус кипения достиг наивысшей точки. От господина Наресина Нексуса мы требуем внимательного участия в данном процессе и самое главное, Правды! – Высказал, даже выплюнул в воздух Третий Глава и требухой затрясся в своем мягком ложе; потом принялся выхлопывать собственные полу-руки полу-требы в подобии оваций.

Остальные последовали его примеру. Просторный зал означился громовыми рукоплесканиями.

В этот участливый момент в светлую залу вошли четверо хранителей. Гипнотизирующими пассами они приблизились к стеклянным стенам и просочились в гладкую структуру Башни, сливаясь с его величественными объемами. Смея наблюдать за сим преображением мужчину прошибло холодным потом. Он вдруг почувствовал, что вся уверенность и силы начали покидать его мудреное тело. Наресину вдруг надоел весь этот диковинный фарс, и он взорвался оправдывающей тирадой:

– Я вот уже триста лет хромаю на две ноги, и всегда исполнял предписанный мне долг главы штаба Оранжа. То, что произошло – неслыханная дерзость, я не спорю. Яна Крейцера мы слижем с лица планеты длинным языком правосудия, будьте уверены. Но машина и моя невнимательность – это просто дело несчастного случая, поймите же, я при том практически не при чем!

Камеры снимали Нексуса, отдельно акцентируя внимание на его способной к стеклянной певучести глотке. По стенам Башни расползлось охранительное движение, и Главы, почувствовав это, во все стороны стали метать длинные тонкие грозы.

Сидящей за одиноким столом мужчина отрешенно поглядел за спины тучных Глав, в громадное панорамное окно, и его взору предстало удивительное цветное действо: на горизонте между небом и оранжевой землей возникла тонкая полоска фиолетового воздушного образования. Она не была настолько далека, что ее силуэт расплывался с землей, нет, но и близко эта формация тоже не подплывала. Где-то на отдалении фиолетовый горизонт бугрился и сжимался-разжимался в такт биению сердца Нексуса.

– Наресин, ваша доблесть сыграла с вами злую шутку, – говорил Третий Глава. – Через две недели вы должны привести Яна Крейцера сюда, в Высоту Башни и вместе с тем дать подробный отчет обо всем произошедшем. Если по истечению данного времени меченный не переступит порог нашей великолепной Башни, мы заставим ваш фиолетовый Горизонт пылать синим огнем.

Грозы снова засверкали, вся зала теперь освещалась электрическим разрядами, посылаемыми Главами. Стены тоже дрожали, а камеры выхватывали любой писк и треск, записывая увлекательное кино.

До Нексуса наконец дошли слова Главы, и он встрепенулся. «Так значит это образование вызвали Главы? Дело действительно серьезное…». Оранжский глава знал, что значит «пылать синим огнем», в их реалиях то являлось тотальным уничтожением без права на какую-либо «загробную» жизнь.

– А сейчас танцуйте, уважаемый! Люди со всей оконечности Черного Подреберья хотят посмотреть на ваше умение двигать телами! Это будет ваша расплата за разбитое средство передвижения и покореженное оранжевое дерево!

Теперь тонкие грозы Глав стали извиваться еще активнее, показывая тем, что тучные сущи находятся в предвкушающим возбуждении.

Из прозрачных стен полилась легкая деревянная музыка. Ее такт напоминал старые провинциальные развалины родной когда-то Нексусу деревни под Оранжем. Всосавшиеся в гладкий стан Башни хранители начали волнообразное движение, заставив тем самым понестись верхние и нижние полы Высоты в светящееся рандеву. Все вокруг трепетало, предаваясь скорому танцу, светилось редкими огнями. Нексус закрыл глаза и потек в трясины полуразвалившейся юношеской памяти.

По туннелям из серых бетонных плит Ян Крейцер разматывал свою новую жизнь. Двое людей из Лагуны, Диана и Миста С, разглядывали его вздувшееся тело, словно он был не человек вовсе, а круглая кружка с цветными вставками. Мужчине казалось, что он вспомнил свое далекое параллельное бытие и клялся, что поможет утрясти Время так, как тому следует быть утрясенным. Еще, взволнованный Крейцер захотел прибрать к себе цвет волос Мисты С, но тот пригрозил, что достанет пушку и просто прихлопнет очнувшегося чудака, если он не успокоится.

– Моя вещь – не ваша заслуга, кофейные зернышки, – кряхтел им Ян. – Время следует наказать, но перед тем нужно предупредить моих друзей, что застыли льдом внутри Башенной прелести. Ночь не должна делать из нас рабов! – Прорычал Мужчина и с грохотом перевернул металлическую каталку, взбив сухую грязь с пылью.

– Послушай, Крейцер, тебе бы взять себя в руки, а не то твоя энергетическая активность выйдет из-под контроля, часы сломаются и всех нас разом обнаружат! – Говорила Диана, наливаясь красным оттенком раздражения. – Не нужно губить собственную красоту и нас, мы желает тебе только добра!

Ян с изумлением вперил свой взгляд на девушку, словно не веря ни глазам, ни ушам. Он собирался было разразиться какой-то особенно эмоциональной тирадой, но Миста ладонью ему показал знак «Стоп». И Крейцер потупился, успокаиваясь. Происходило что-то странное, контроль становился все тоньше и слабже, все это действо грозилось вылиться в смешной и грустный кавардак. Миста С обратился к мужчине:

– Наверно, ты хотел сказать, что Диана похожа на твою Мерцеллу. – Ян согласно закивал, а парень продолжил, – Это так, мы специально выбрали подобный аватар, чтобы взять твое нутро под контроль, ибо нам известно, что ты сильно тяготеешь к воспоминаниям о своей дорогой дочери.

Наресин казался глубоко изумленным и хотел задать вопрос, но парень снова показал ему знак, чтобы тот обождал.

– Ничего личного, просто уловка восприятия, которая поможет нам держать твою сущь в узде! – Заключил Миста С и довольно щелкнул своим красным носом.

Крейцерская тушка опустила руки и ошарашено села на огрызок скамьи. Он задал вопрос, который интересовал его с самого начала:

– Вы кто, певуны?

Магики Лагуны кратко поведали о себе и свой миссии, которая заключалась в безопасной доставке Яна в оранжерею Розовой Длани, где того подключат к цветочному источнику питания, и, произведя все необходимые приготовления перед этим, начнут процесс расщепления Крейцерской натуры на четыре равные части.

Первая останется здесь и будет блюсти порядок Башни Оранжа, ибо как тамошние хранители, да и Главы тоже, потихоньку выходят из строя. Вторая часть отправится в параллельный мир и разогнет плотное Время, освободив тем самым пространство от преступного застоя. Двое других примут облик неизвестности, скосят обе Вселенные на манер резного газона, а тот примет упорядоченный вид, отбросив лишнее. И эти две могущественные неизвестности соберут остатки вещества и замесят ими крем, которым напишут самую великолепную картину в истории всего достославного Вдохновения.

Говоря все это, напарники из Лагуны выглядели довольными и даже сказать счастливыми. Их лица были озарены светом важной миссии и знания о ее успешном завершении.

– Ваш план похож на кусок вонючей требухи, – сказал Крейцер, зажал одну ноздрю и смачно сморкнулся прямо на бардовый ботинок Мисты С, который

стоял рядом с ним. Мужчина в злобе начал плеваться на лагуномолодцев:

– Больные ублюдки, нетореные сортирные отверстия, крикуны невидимого отродья!

Лагуномолодцы ожидали такой реакции и Диана, решив выступить дипломатической стороной принялась успокаивать крикуна:

– Мы не спасатели, это так, но наша миссия важна для поддержания мира, пойми! Главы нашей Башни слишком поглощены удовлетворением собственных разнузданных потребностей, а департамент Оранжа превратился в гнилой овощ, способный только на невнимательную музыкальность. И это даже не смешно: данные факты вскоре расслоят шов у матери нашей космической! Никак нельзя, чтобы такой важный персонаж как ты, Крейцер, придавался эгоистическим порывам. Это вредно для тебя же самого и для той структуры, которая сияет в тебе!

А Миста С, который был не то чтобы против всех этих миротворческих отношений, но он знал методы силового давления и отрезвления, которые действовали лучше и решил испробовать оное на смутьяне. Парень приблизился к мужчине, быстро замахнулся и ударил того в его розовую физиономию. Лицо Крейцера замотало в алую вату. Он такого никак не ожидал.

– Все началось с вас! С вашей Высоты Стекла. И только поэтому Туча Слез, через четыреста тысяч лет, уничтожила вашу же цивилизацию. Из-за этого произойдет коллапс волновой функции и все смахнется в урну на радость Хаосу! – Выпалила Диана. – Мы хотим мирного неба над головой и порядка!

Горькие всхлипы наполнили бетонный тоннель, эхом отдаваясь от камня. Лагуномолодцы в волнении поглядели друг на друга.

– Похоже, я перестарался… – Сказал Миста С; он одновременно выглядел и виноватым, и решительным. – В общем, собирайте тела в кучу, нам пора отправляться. – Ирокезных дел мастер подошел к Яну и утешающе погладил того по плечу, говоря:

– Я не хотел причинять тебе боль, но ты нас тоже пойми, мы не можем работать с вертящимися волчками, одного из которых ты изображал.

Зеленоволосый присел на корточки, указательным пальцем левой руки начертил на пыльном бетоне знак шестиконечной звезды. Достал из нагрудного кармана куртки металлический щелчок, любовно поцеловал его и водрузил сие блестящее очарование в центр звезды.

– Всем нам одновременно нужно будет дотронуться до гексаграммы и четким голосом произнести магическое «Паралам Малам Цефу Ари», а после крепко зажмурить глаза. – Начал инструктировать Миста С. – Нас перенесет на пространственную остановку близ оранжереи. Это абсолютно безопасное место. Небесная легкость будет вмещать нас в себя, пока мы предаемся ментальному и физическому расщеплению. После того как первые частицы наших тел очутятся на ровной поверхности остановки, весь наш привычный стан одним махом будет собран вновь.

Парень посмотрел на часы, еще раз мысленно покрутил ситуацию, и оставшись всем довольным, сказал, – если вы готовы, то начинаем!

Металлический щелчок, являвшийся маячком, за который зацепится психический план, и пыльная гексаграмма засветились призрачным мягким сиянием, озаряя лица трех будущих путников, когда все они одновременно дотронулись до нарисованной звезды. Слова сами по себе начали движение из расслабленных сознаний, но Ян притупил интуитивный ток, и нарочно смучил магическую формулу «Паралам Малам Цефу Ари», произнеся вместо нее «Парапам Трапам Пичу Оню». Ибо он вовсе не собирался следовать четкому плану непонятно каких лагуномолодцев из непонятно какой Лагуны.

Его начавшее искриться и трещать тело медленно превращалось в суп из темной энергии, смешанной с сукровицей мутноватого сока Оранжа. Физический Дом на ножках был вынужден покинуть свое привычное обиталище, приняв в себя громоздкую сущность Яна Крейцера. Пространственный покров Дианы и Миста С улетучился в три счета, когда мужчина, уже находясь в забытьи, взглянул на них. Перекошенные, подверженные неуемному кручению лица растворились в так и не прозвучавшем крике.

Розовое облако тела Яна с чудовищной скоростью воспарило в области доселе невиданные, негаданные. В туманной сфере близ белоснежной звезды явилась кроткая Мерцелла, которая со всей возможной нежностью в душе приветствовала своего родного отца. Он хотел было направиться к ней, но ток

заклинания был неумолим и понес его безбрежное облако дальше, топя все воспринимаемое в нечетком вращении космических масс.

«Мне бы стать однажды бабочкой с желтыми крылами, я бы рассекал просторы цветочных лугов, лакомясь славным нектаром. Никакого Оранжа и Высоты Стекла, никакой четверки и безумных всадников. Я бы отыскал Мерцеллу, пускай под другим именем и наружностью, я бы наблюдал как она нежится в сочной траве своего космического расцвета. Испытать родительские чувства хоть раз в жизни – стать навсегда прикованным к звездному небосводу. Вот и сейчас меня несет не знамо куда. Вышине лучше знать, ибо она незримыми нитями соединена с общечеловеческим подсознанием, который вмещает в себя весь свет и всю тьму».

Им всем лучше знать, это так. В океанах, под сознанием, вызываются к шевелению самые ясные из очей древней и молодой созидательной знати. Губит породу не внезапная случка с нечистокровным телом и грязненькой душонкой, губит промедление, понятно каким образом втиснувшееся в человеческое бытие, заполонив собой ясное небо красоты, и изгнав давно позабытое чувство счастья.

На руках Яна Крейцера много крови, в миру он был добивателем при деревянной шкатулке, которую выносили на площадки перед домами провинившихся, чтобы музыкальными струнами умерщвлять неразумных «детей».

Если кто-то однажды обнаружит такую шкатулку у себя на крыльце, то пускай просто внемлет голосу успокоения, сядет в мягкое кресло и закроет глаза, ведь избежать подобной расправы невозможно. Музыка разъединит животворные структуры, превратив их в вязкую кашу, а после, выплюнет переваренные остатки в безвременные туманы небытия. А если музыкальная волна пришлась не в состоянии смыть провинившихся, то именно здесь и находит свое «занятие» Крейцер.

«Теперь это все кажется неправдой, неважностью, глупой отсрочкой перед концом времен. Жизнь наматывает наши тела как вилка наматывает расплавленный сыр со спагетти. И когда моток становится жирным и сочным, то кладет его себе в рот и с удовольствием съедает. Но теперь я свободен от всей этой ненужности. Мое облако никогда не найдет материального пристанища. Наверняка, вскоре я забуду себя и все исчезнет. И хочу этого и одновременно с тем страшусь. Да прибудет со мной Космос», – пространные думы навещали расщепленного, пока тот плыл в пучины неизвестности.

Ян забывался на какое-то время, проваливаясь в сон без сновидений и находил свое розовое облако, когда просыпался от внезапных космических налетов ветра, но потом снова проваливался в густое ничего, теряя остатки всяческой ориентации. Пространство не щадило никого, кому волей случая удавалось в него попасть. «Космос похож на дыру или на ощущение всасывающего вакуума, которое появляется в те редкие моменты, когда ты червем замираешь у кромки урагана своей собственной души».

Крейцера все более относило в области «не впечатления», за которыми находилась только смертоносная синева. Он уже не думал «подвергнется ли он ее уничтожающим теченияm или в силу своей рассредоточенности спасется», он просто отдался на волю случая.

Зыбкая почва в Оранжских землях не идет ни в какое сравнение с этими непомерными пустотами и той глубокой чернотой, окружавшей все. Они кажутся недвижимыми странниками, заснувшими монстрами невыразимого ужаса. Это темнота смотрит внутрь каждого, когда сознание пытается разогнуть свое сердце после очередного удара извне. Душа рядится в одежды из красного и белого потока, призывно виляя разросшимися морщинами, в чьих секретных трещинах виднеются слабые проблески чего-то деятельно-мирного. Это мудрость, объедки былой активности, густо заросшей пылью.

«Мне бы стать однажды… подобием настоящего человека, я бы смазал с лица Времени его мерзкую ухмылку. Я бы рассказал трем недоразумениям, в чем состояла их ошибка». – Проснулся Ян после очередного падения в темноту. – «Вдохновение для светлых голов, для небесных созданий, способных к чистым основам незамутненной любви».

Облачное тело Крейцера преодолело «Непомнящий рубеж», находившийся между космосом и синью, и сознание мужчины отключилось. Тот перешел во владение синевы.

Бродить по свету, принимать внутрь настойку из оранжевых сполохов искусственной радости – наилучшая ипостась для досточтимых особ, для сваленной мимоходным грехом развлеченческой цивилизации. Лучшее средство от хандры – сальто через жесткие перила Высоты Стекла. Прыжок в темные недра Земли – это смелость, это олицетворение любви ко свободе.

«Понимаешь, Ян, твое сознание способно вытащить на свет целое Невозможное. Понимаешь всю прелесть своего положения, мрачная ты голова?» – мыслило нечто, остатком оседая на кружке с чаем.

Ширк-ширк, триумф-марафет, книги падают с четверичных полок.

Находясь в подобии забытья, Глорис смотрела на развернувшуюся перед ее взором светящуюся ленту, которая состояла из различных кадров. Двигалась только она, эта лента, а все остальное застыло на манер льдистой паузы.

«Фери уже давно должен был вернуться, а его все нет и нет», – проносилось в сознании девушки. – «Наверно, Время тому еще не пришло», – заключила она, глядя на кино перед собой. А кадры все двигались, показывая на чудное завывание некоего Нексуса.

Каждый кадр был подписан и потому как движение ленты было очень протяженным в пространстве, то не составляло труда читать эти надписи. «Как смешно изогнулся его рот в немом крике» – подметила Глорис, глядя на пришельца в объедках синей тоски. Девушка не замечала, как стала распадаться на тонкие нити какого-то шелкового недоразумения.

Весь трагизм состоял в том, что ее волей постепенно завладевал «чужак». Ее субличность прорастала на манер древка, все более оплетая корнями ее привычное житие-мысли и натуру. А на экране один за другим следовали страшные раскадровки некой туманной бани, которая с особой жестокостью применилась к некой тучной мафии. Показывалось мелочное помрачение Оранжа, который выступал в фильме толи в роли горького фрукта, толи в образе пожухлого цветка.

«Если бы я могла войти в эти бесконечные киноленты, то я бы спасла и тот мир и, возможно, этот», – думала девушка, перебирая блондинистыми локонами. Требовалось порядочное усилие, чтобы подвинуть свое, ставшее легчайшим ветерком, тело к светящейся в танце ленте. Субличность практически уже полностью завладела Глорис, и ее прошлая ипостась, выражавшаяся в эгоистических порывах желаний и безразличии, оказалась задвинутой на дальний план.

«Если друг-вокруг однажды смог такое провернуть и подобным образом создал нашу видимую вселенную, то и я смогу развернуться в черную дыру, чтобы все поглотить, а потом изрыгнуть переваренные соки прямо на ладони Всевышнему. Он бы точно подивился такой смелости. Его любимая дочь смогла переступить далеко за себя! Это вам не сигать с Высоты Стекла, хотя некоторым и кажется, что в сим действе заключена неимоверная священность, способная привести к глобальному преобразованию».

Глорис напитывалась новой для нее ролью, приобретая железную уверенность к будущим действам.

Через все тянулся танец музыкальной гармоники, посредством чьей формы и пришли лагуномолодцы, чтобы прибрать в обратный путь и Крейцера. И вот теперь они уносились в крученные перепети по направлению к обители Розовой Длани, но одни. Их ожидали лиловые поля цветов и аромат дивного леса. Секрет тамошней магии не в предметах, а в вере, с которой славный практик несет свое мироВарение дальше, озаряя тем самым восхитительный мир вокруг.

Глава пятая

Миста С и Диана материализовались близ оранжереи ни с чем. Не удалось схватить за розовый нос Яна же Крейцера!

– Нас раздавят как помидор, просто возьмут за ножки, внесут в аппарат расщепления и – всё, прощай березовые рощи сладких грез! – Восклицала Диана, смотря на гладкие изгибы Розовой Длани. – Это все равно что насолить главному начальству в сверкающие чистотой глазные впадины. Мне кажется, что наша песенка стала трухлявой собакой.

Парень с зелеными волосами достал из пространства своей куртки дымную трубку и принялся смачно покуривать, выпуская на воздух радужный дымок. Он обратился к девушке:

– Твой невесомый фатум и рыжина на голове делает тебя похожей на карамельного тушканчика, которого хочется съесть. Так что не береди душу,

красота!

– Не дождешься, джинсовый монстр, сперва нам нужно разобраться с Назидателями. – Сказала Девушка и нервно затрясла правой ногой, обутой в тонкую коричневую кожу ботинка. Слышался неровный такт, отбиваемый каблуком. Диана продолжила, – и если нас не подвергнут уничтожению, то можно будет подумать и о карамельном тушканчике, и о его последующем съедении.

Пара из Лагуны отправилась в Розовую Длань. Эта формация представляла собой огромное здание нежно лелеемой волны из полупрозрачного розоватого стекла. Интересным было то, что внутренний обиход совершенно не проглядывался, оставляя стороннего зрителя в неведении. Тело Розовой Длани мерно струилось на фоне лиловатых небес, поддернутых сиянием предзакатного солнца.

Если бы не вездесущее гудение механизмов и красный дым из металлических люков, ввернутых в серебристую землю, то можно было бы подумать, что это большой spa-салон для особо взыскательных клиентов, ибо настолько здание выглядело представительным. Волна призывно прижималась к цветным зрачкам гостей, а разносившийся всюду аромат клубничного мороженого и карамели возрождали к жизни далекие воспоминания молодости, которых, казалось, в этих видениях не было конца, края и еще какого-либо ограничения.

Туманный рай не был чем-то невозможным. Он в многомерных лицах своих раскачивал лодку инакой монеты, за которой следовало очередное ощущение, приносившее радость и вдохновение. Внутри оранжереи практически ежедневно проходили эксперименты в области структурной инженерии и квантовой физики, чью беспардонность так любила творческая натура Назидателей. Они же, в свою очередь, не шилом литы и не запахом серы овеяны, а неслись в те незапамятные времена, когда Солнце еще имело вид круглой звезды, а Земля походила на остров бесконечных возможностей.

– Вчера, по сводкам, было явление фиолетового плоского облака над горизонтом близ Башни, и это значит, что Главы вызывали внутреннюю сферу Наресина. – Сказала девушка, просматривая новостную ленту, вшитую в функционал наручных часов. – Не повезло же бедняге!

Пара уже выходила на ровно стриженный голубоватый газон, ведущий напрямую к входным дверям оранжереи, а Диана продолжала смотреть на экран и читать напарнику:

– А еще тут высвечено расписание микро-поездов, которые ведут мрачников на заклание в далекое мрево Аорты.

Миста С громко фыркнул, говоря, – им бы перерезать синие ветки, чтобы неповадно было трещать через тире. Мокрые слизняки, жаждущие далеких путешествий! Сколько уже материи извели… А по поводу Нексуса, то что поделать, сам наломал дров, теперь будет знать. Ленточный червь Глорис наверняка похрустела некоторыми его костьми.

Широкие двери Розовой Длани автоматически открылись, овевая гостей легким сладковатым ароматом. Все сверкало приглушенным пламенем научения. Клочки тучных гроз вращались на средних скоростях в прозрачных центрифугах, из которых исходили трубки, ведущие к холстам, а эти измазанные краской холсты проходили в свою очередь подробный обмер, производившийся полувидимыми работниками в голубоватых халатах. То был творческий цех по очистке Грозовых эманаций, которых сотнями килограммов свозили сюда из параллельного запределья для последующей выжимки, что напрямую пойдет для целей культуры и творческих художеств.

Вышедшая прогуляться, в сопровождении таких же почти бесплотных провожатых, тучка-клочок, завидев обоих из Лагуны, стала истошно верещать, вспучив объемные телеса, – «Шкатулка-Вдохновение, Шкатулка-Вдохновение!» Ее тут же присмирили песочным лакомством цвета закатного солнца. Эти клочки любили красоту и свой предыдущий дом: Павильон Мяса. Только лишь собравшись в огромную кучу они смогли бы преодолеть параллель и сойти с горизонта стадного скитальничества. Прекрасные творения плавным потоком выплескивались из-под грозового созидания.

Когда Диана и Миста С прошагивались вдоль колонны из центрифугируемых клочков, то рядом с каждым стояли большие и маленькие арт-работы, услаждая взор ветром творческих побед. Побед сердца над скупой логикой и Вдохновения над Роком.

Доля этих шедевров в нынешнем своем виде могла наполнить все галереи Черного Подреберья, который в юности одаривал весь мир чарующе прекрасными произведениями мысли. В определенном смысле каждая песчинка обладает сознательным током, связывающим все вещественное в одну громадную сеть невероятного масштаба. Вдохновение для того и существует, чтобы выхватывать сгущенный идейный поток и с чувством гармоничности, дарованной всем, отображать великолепие в различных созидательных практиках.

Парочка с цветными волосами была тут не впервые, но каждый раз, навещая эти помещения, они давались искреннему диву, как такие «махины», в своем виде, вообще пришли кому-то в голову. Выжимать Вдохновение, расщеплять энергетические матрицы, преобразовывать густую материю в тончайшую художественную и культурную ткань.

Всем заправляли розовые Назидатели и они находились на самой дальней оконечности Розовой Длани, потому как хотели, чтобы всяк желающий достигнуть их плотного вещества, неизменно проходил через длинные «коридоры» гудящих механизмов, напитываясь тем самым красочными картинами и образами. Этакое показательное представление или по-другому представительная практика. Космические грани сего сияют светом, озаряя заблудшие умы и души.

Диана, при приближении к Назидателям, принялась зачесывать струящиеся волосы в тугой пучок, а управившись, нахлобучила на свою рыжую голову колпачок из фатумовой материи. Удивленному напарнику, который шел рядом, она сказала:

– Не хочу, чтобы они видели мои волосы вживую, ибо вдруг захотят над ними произвести «определенные» опыты.

– Да брось, Ди, что им могут дать твои волосы, нервный почерк или, к примеру, пустынное поле с одними лишь колючками? – Сказал Миста и чуть слышно рассмеялся.

Девушка полушутливо двинула парня плечом, чтобы тот заткнулся. Большая зала с Назидателями была отделена от основного наполнения Длани тонкой прозрачной перегородкой, обладавшей одной интересной особенностью:

каждый, кто бросал на нее взгляд, начинал видеть перед собой не гладкую поверхность, служившую прозаичным барьером, но выпукло-впуклые борозды переливчатого, маслянистого оттенка, томно отдававшегося неопределенным движением загадочной сласти в глубине тела. Это была довольно простая, даже классическая иллюзия, состоящая из вечно вращающихся частиц и зеркального мусса, а каков эффект!

Назидатели встретили пару с улыбками, но по выражению их физиономий было видно, что их крепкая розовая кожа еще совсем недавно гневливо бурлила. За тонкостенными трубами стола восседали пятеро в неизменно белых халатах. В антропоморфных руках каждого из них находилось по пятиконечной красной звезде, которые приветливо лоснились масляным блеском на холодном свету ламп.

– Наши дорогие дети вас заждались! – Промолвил один из Назидателей, размахивая зажатой в руке блестяшкой. – Эти звезды мы получили от меченных, осторожно срезав красное черчение с умерщвленных тел. Данные чувствительные конструкции ежечасно требуют небольшой порции Мяса, чтобы удовлетворить свои энергетические потребности.

– А еще им нужно внимание! – Другой Назидатель стал прохаживаться между трубчатых столов. – Блеск, который вы наблюдаете суть масло с картин тучных клоков. Мы счищаем красочный слой с некоторых наихудших, по нашему мнению, картин. Проводим перегонку получившейся массы до тех пор, пока цветная ипостась не разложится на магнетическую субстанцию и очищенное масло. Вот он то, сей славный елей, изливается в хрустальную склянку, названную в честь Высоты Стекла. – Мечтательно промолвил Назидатель и припечатал звезду вплотную к своей щеке, а потом отнял драгоценность и любовно поцеловал ее глянцевый блеск. Розовощекий продолжил:

– И данным чистейшим составом мы покрываем наши красные искорки!

Все пятеро глав данной Розовой Длани были похожи один на другого и отличительными чертами выступали лишь зрачки глаз. Пять различных оттенков ученой власти поблескивали под бледным свечением ламп. Каждый из них крупно трепетал перед вырезанными звездами и каждый, с замахом на Высоту, желал восхитить свое звездное сердце соком художественного шедевра, который в скромных количествах производился с помощью изъятых с параллели клочков и их великолепного грозового фронта.

– А теперь перцуны недоделанные, мы возьмемся за вашу провинившуюся Длань! – Грозно проговорил Назидатель с янтарными глазами.

Он в два больших шага преодолел пространством между столами и стоявшей в лиловом уголке пары. Назидательная морда начала выплевывать слова прямо в побледневшие лица:

– Ян Крейцер, наша следующая большая звезда и черная дыра одновременно исчез со всех мыслимых радаров! Неужели было так трудно взять и связать титановыми нитями его тело, а после с огромной осторожностью привести его в Длань, в нашу обитель творческих прорывов?

В ушах Дианы зашипело плотоядной птицей, а в ушных раковинах Мисты С быстро разворачивалась довольно грубая остановка для целого полчища гремучих змей.

– Даже Наресин Нексус лучше вас справился, хотя того подвергли всеобщему осмеянию и откусили половину лица! – Красные глаза другого Назидателя стрельнули в цветочный горшок пурпурного окраса, пропалив его практически насквозь. Он указал на горшок, обращаясь к лагуномолодцам:

– То же будет и с вашими человеческими телами, если не разгадаете наш космический кроссворд.

Простреленный горшок как-то глухо треснул и исчез в неведомой пустоте.

Пару усадили за трубчатый стол и поставили перед ними нечто похожее на перистое облачко мягкого переливчатого цвета. Казалось, будто данное облачное очарование подсвечивали невидимые солнца, плавно менявшие его оттенки с бледно-розового и оранжевого до насыщенного пурпура и фиолета.

– Эта находка извлеклась из шкатулки большой Грозы, чья творческая сила и предприимчивость намного превосходила все известное доселе в квадрате Павильона Мяса. Нам только-только предстоит открыть это особое дарование сияющего мира. Мы стоим на пороге великого открытия! Ваша задача будет состоять в том, чтобы суметь разглядеть в данном облачке Премудрость, которую в свое время увидела большая Гроза. Если ваше предприятие будет

успешно, мы спишем с вас пролет в деле Крейцера, и сами завершим его поимку, а если ваши тела не смогут ничего заметить-приметить-проискать, то – пиши-красуй.

– «Пиши-красуй», что это значит? – Спросил Миста С и скрутил из зеленого ирокеза спиральный кругляш.

– То значит полное физическое уничтожение и взятие в рабство ваших ментальных сфер, – ответил красноглазый Назидатель.

Вдруг комнату наполнил протяжный электронный вой. Из-под трубок столов развернулся розовый поток, который шествовал напрямую в ноздри Назидателей. Все вокруг пришло в состояние невесомости, мысленно маршируя в такт неслышимой деревянной мелодии. Все куда-то стало пропадать, перемещаясь с розовых полок трехмерного пространства во впукло-выпуклые капсулы радужного света. Недолго длилось это чудаческое помрачение, и уже через несколько минут все приняло обычный вид. Назидатель с желтыми глазами прокашлялся, вытер ноздри от розовой жидкости и принялся говорить размеренным голосом:

– Прошу прощения за эту заминку, время пришло в нестройное замешательство, по каким-то причинам пододвинув ближе наш общий прием пищи.

Было заметно, что розовая кожа существ налилась каким-то внутренним сиянием. Желтоглазый продолжил:

– А теперь, господа из Лагуны, вам стоит, пожалуй, приняться за разгадку небесного кроссворда!

Прозвучали жидкие аплодисменты, наполнив комнату серебристым дождем подобным конфетти.

Перистое облачко самозабвенно переливалось теплыми оттенками той нежной романтики, которая в обычное время вводит сердечные мышцы в умиротворительное, медитативное плавание. Плавные токи разносились по крови, сердце делало семьдесят ударов в минуту, мирно возлеживая под тенью высокого дерева, которое своими могучими кронами пробивает небеса. Слишком красивую песню предстояло опробовать Диане и Мисте С. Данное чувственное

вращение предельно размазало их эмоциональные структуры. Лагуномолодцам только и оставалось подчиниться этому чудесному сиянию.

В зале было большое окно, которое находилось справа от входа и слева от сидящей за трубчатым столом пары. Из проема виднелись нежные отсветы восходящего Солнца. Можно было бы спросить, – «неужели прошло столько времени? Когда мы заходили сюда, Высота занималась Закатом!» – но, как показывает практика, лучше просто наблюдать, довольствуясь проносящимися перед взором видами.

Удивительно, что в таких разных мирах Солнце остается чуть ли не единственным символом единства, которое не подвергается видимым изменения. Оно поет свою песнь, не думая ни о чем, любя всех сразу, без какой-либо оглядки на достоинства и недостатки.

«Как это прекрасно», – думал Назидатель с зелеными глазами, – «если этим молодцам хватит прыти, и они смогут разгадать облачное великолепие, то мы с другими Назидателями отправимся в наше, наверное, самое захватывающее путешествие в жизни!»

Диана украдкой подсматривала за розовыми главами и следуя за направлением взгляда одного из них, также принялась смотреть в окно. Теряя себя из виду, она любовалась открывавшейся картине. Плотная, темная стена из высоких деревьев была поддернута свечением зачинавшегося солнечного восхода. «В таких, казалось бы, простых вещах и скрыто чинное великолепие настоящего», – проносилось в голове у девушки. «Оно ежедневно смотрит на нас, пыхающих быстрым движением в стремительно бегущей реальности, которая вскоре уже приблизится к космической скорости.

Кто куда: кто за невидимым достославием спускается в мрачные недра игрушечных коловертей мегаполисов, а кто пересекает жаркий океан из пустынных барханов, по кусочкам растворяясь в прохладе собственных тел. Кто зачем тянет полуденный жребий на последующее отпевание собственных физических регалий. И многие из работяг-логистиков и мечтателей-тружеников понимают впоследствии, что оно, это стремительное движение вместе с блистающими плюшками – суть иллюзия, подобная сновидению. И после подобных дум, все становится еще более смешным».

Она посмотрела на Мисту С, тот, казалось, бездумно вращал белками глаз, посматривая то на облачко перед собой, то на свои руки, то на запястья Назидателей, которые были покрыты какой-то чешуйчатой корочкой. Тем временем перистое Вдохновение мерно покачивалось на прозрачной воздушной подушке, призывно завлекая погрузиться в свои цветастые материи. Ну чтож, ничего другого не оставалось и пара из Лагуны принялась внимательно следить за «кроссвордом».

Назидатели положили на столешницы листы с ручками и удалились в заднюю часть залы, из которой не доносилось ни единого звука. Не мешать созерцанию – главное условие для успешного завершения данного предприятия.

В облаке стали просматриваться призрачные, ровные квадраты для букв и прямоугольники для слов, но через мгновение все оно исчезло, оставляя за собой лишь тонкие структуры переливающегося облака.

Диане пришло в голову: «не думай, просто наблюдай и записывай». Ее ручка начертила первый значок. Видение перистого великолепия постепенно сменялось на предметно-образное выражение, возводя из нежной невесомости сего города разнокалиберные идеи и мысли. Картины эти были в равном соотношении перевернуты в направлении льющегося отовсюду мерного звука, напоминавшего то наилучшее, что сходило с небесных гладей за неимоверно долгое течение космических бдений.

Появились насыпи умиротворяющих кадров из детства и возможного будущего. Мелькали полупрозрачные люди и слова: все это абстрактно отображалось на плоских листках бумаги. Облачное очарование словно выступало проектором тонкого мира, который обычно лежал где-то между сном и первым земным вздохом. Квадраты с прямоугольниками иногда высвечивались ярким неоном, показывая отдельный строй буквенных сочетаний, куда стоит направить взгляд, но потом подсвеченные области внезапно исчезали. Каждый из Лагуны видел свою собственную канву, которая теперь мягкой поступью сходила с летящего Вдохновения.

Здесь начинались прекрасные метаморфозы, чье течение навсегда изменит жизнь и Мисты С и Дианы и всех остальных, причастных к этой восхищающей дух симфонии Восхождения. Мир поменял свой поход против механистического настроения будущего в пользу всеобщего творческого катарсиса настоящего. Землю, казалось, било крупной дрожью в невысказанном – «Наконец-то мои дети

отыскали Путь!» Но подождите, подождите, оставалось целое тысячелетие до того момента экзальтации, а пока…

Раздался тихий голос с полоточного громкоговорителя:

– Диана, мы заметили, что у тебя получается куда лучше выхватывать воздушные красоты идей, чем у твоего друга. Быть может, ты ему немного поможешь, направив его взгляд в нужные области?

Девушка посмотрела на напарника и ее взору предстала странная картина: Миста С не глядя на листок криво чертил плюсы и минусы, а сам он, полуприкрыв глаза, наблюдал за облачной плоскостью. В его глазах отсвечивалось мерцающее ничего. «И пустота может быть красивой», – подумала тогда Диана и полушепотом обратилась к парню:

– Миста, тебе не нужно сверлить облака, как ты это делаешь сейчас, тебе надо расслабиться и просто смотреть. Пускай оно протекает через твое восприятие свободными реками. Что видишь – то и записывай, все просто.

– Хорошо, Ди, попробую. – Ответил парень.

Девушка вернулась к созерцанию. И снова понеслась эта невесомая красота. Бумага наполнялась пространными записями, складывавшимися в стихотворные колонки, а также начали появляться и наброски для будущих картин. Или абстракция то или экспрессия утреннего восторга – все с той же неумолимостью оно пестрело на листочках.

У обоих теперь множились прекрасные записи, а внутренний взор все ввинчивался в глубокие дали облачного свечения, размазывая цветные помады по мягким губам наблюдателей. Теперь казалось, что сама Розовая Длань понемногу-помаленьку превращалась в клубящееся облако. Недаром архитектура здания напоминала волну, готовую вот-вот воспарить в небеса.

Некоторой радостной печалью означилось пребывание Назидателей. Они смотрели на предавшуюся медитации пару и стучали по трубчатым столам розовыми пальцами, наигрывая незамысловатую мелодию их общего пути. «У них почти получилось, еще немного и будет наконец получена подробная инструкция к Вдохновению», – думали каждый из пяти глав.

Звуки скрипки выпячивались все отчетливее и казалось, что с неба вот-вот начнет плавным покрывалом ниспадать снег, которого тут не видели никогда, топя все вокруг в гармонической тишине.

О тишине же думал и Наресин Нексус, который находился в ванной комнате своей огромной квартиры. Откушенная половина лица кровавым и рваным краем вводила мужчину в состояние транса. После того как он протанцевал долгие часы или минуты, вертясь под пристальным вниманием камер, тучные Главы, находясь в забытьи от картин им представленных, отщипнули от Башни прозрачную слизь, которая впоследствии превратилась в синюшную Глорис. Эта злобно-отрешенная чертовка в несколько шагов преодолела разделяющее ее с Нексусом пространство. И тут неожиданно произошла мини-катастрофа – в сознании жертвы, а в сознании миллионов зрителей прямой трансляции – прелюбопытное действо, которое во много крат увеличило рейтинг вещавших телекомпаний.

Кровь обливала все, даже далеких Глав окропило бившими во все стороны отчаянным, крикливым ключом. Глорис оглушили сморчковым набалдашником, и поместили в карцер при Башне, который находился на самой высокой точке Стекла. Наресина залатали, дали склянку с таблетками обезболивающего и противовоспалительного свойства и отправили домой. Откушенную часть лица, вынули из желудка хранительницы и заморозили для последующего сращивания. Долгий месяц Нексусу придется существовать без привычного облика.

С зеркала на него смотрело чудовище, в котором узнавались некоторые черты некоего давно знакомого приятеля. «Вот оно «Преображение», чье влияние в настоящем мире так велико и чья форма так желанна и недостижима для многих. А мне оно досталось практически за просто так…» – с некоторой долей печали и озорства думал о произошедшем Наресин.

Теперь осталось дело за малым: найти Крейцера. По внутренним информационным каналам Нексус был в курсе, что Розовая Длань также хотела прикарманить в свое творческое лоно уникальное цветение дара обоих миров. Совместная работа с Назидателями никогда не проходила без зудящих проволочек и в очередной раз сдвигаться с этими розовым тварями не очень-то хотелось, но что оставалось помимо сего, работать в одинокого?

«Не много мне в одиночку придется испить черного кофе, а с ними глодающая миссия станет проще и пускай нам потом придется как-то делить добычу». Из мысленного потока Нексуса выдернул громкий стук в дверь. «Космос, ну кого еще принесло к моему порогу?»

Глава шестая

Отворение дверей предваряет путь к творчеству. Умные головы всегда знают, как следует залатать дыру в проеме для оконного стекла. Космосу дается решающий прыжок в темноту Земляного Рва. Розовое небо возвещает о скором начале чего-то нового, свежего или трепещет об окончании изжившей себя активности. Сама мысль научает себя о погрешности из Двух. Шкатулка пришла в мягкое движение; все неважное померкло, а половина лица Наресина, плавающая в прозрачных, желтоватых жидкостях, ласково напоминала всем присутствующим, что выход есть и он совсем рядом.

На листах красовались презабавные письмена. Диане потребовалось десять бумаг, а Мисте С всего девять. Назидатели сложили получившиеся кучки, вложили содержимое в микро-центрифугу и оставили проворачиваться на несколько минут. По итогу машина выдала весьма красочную информацию.

Практически всеми письменами говорила Сульфия Аурумис, первая из хранителей Высоты Стекла, которая своей художественной мощью смогла объединить два мира в один нескончаемый фейерверк. Ее знаменитые строчки прославили иную параллель на многие и многие галактики вперед. Управлять Временем Сульфии было все равно что для пастуха гнать по зеленым размашистым склонам стада овец.

Назидателям пришлось отпустить пару из Лагуны, сделав тем предупреждение, что если они еще хоть раз в чем-то промахнуться, то пиши-красуй им не избежать и сделают это не Назидатели, а их «начальство». Что это за «начальство» – молодым людям так и не объяснили.

Розовые пальцы крепко держали пожеванную листовку с ценной информацией о Вдохновении и как было великолепно осознавать такое влияние здесь, в сем

нежном лиловом краю. Вместе с облачной шкатулкой им, Розовой Длани, теперь доступна любая словесность и любое коричное дерево в любой оконечности любого же мира.

– Нужно призвать поэтессу Сульфию из межпространственного желе, а после, поговорив с Великой, застегнуть старика Нексуса для поиска Крейцерской тушки. – Говорил красноглазый Назидатель, наливаясь возбуждающим соком. – Воистину, мои красные глаза не видели Космоса уже многие эоны, и я с удовольствием, подобным первооткрывателю, займу первое же посадочное место нашего преобразователя, имя которому «призрачный зонт»!

– Твоя правда, дорогой, мы чуть позже кинем кости, чтобы распределить остальные места. Всем хватит достославия! – Отвечал ему Назидатель с зелеными глазами.

Упругие тела принялись приготавливаться к призыванию, расставляя металлические трубки по круглому периметру пустующего места, которое находилось в центре комнаты. Зеленоглазый взял в руки золотистую пасту и стал промазывать круговую геометрию, где, линяя за линией начала появляться большая гексаграмма. Разлили розового масла в пиалы, расставили данное приготовление по острым навершиям получившейся звезды. Погасили мутноватый свет в зале, вместо этого зажгли резные лампады, поставив этих колыхающихся мотылей в пустые пространства между звездными навершиями. Получилась грамотная «инсталляция» в духе оккультизма девятнадцатого века по старой ипостаси.

Один из Назидателей вынул из практически ставшей ветхостью полки такую же старую книгу. Он смахнул толстый слой пыли, открыл единственную закладку и поставил раскрытую книгу на соорудившийся только что черный постамент.

– Наш обелиск примыкает к священным одеждам земной революции. Свобода нравов вещает нам, далеким космическим странникам гладкую историю оккультного помешательства, данного нам грубой тоской. – Сказал Назидатель и перекрестился в духе розенкрейцерских вельмож и продолжил, обращаясь к остальным:

– Мои братия, на трубчатых столах находятся церемониальные одеяния для призывания, оденьте их пожалуйста. А после окропите лбы свои радужной

водой, которую нам привезли сразу с полуночного Тождества такой далекой Нетриды.

В тусклом свете лампад розовая кожа будущих практиков приобрела красноватый оттенок. Одежды темным покрывалом изящно очерчивали крупные шейные скулы и длинные отростки на ушах. После переодевания каждый из братии погрузил длинные пальцы в золотую чашу с водой. Теперь лбы каждого из Назидателей светились на манер космического мерцания. Оставалось главное: призвать доисторическую поэтессу, повязав к нужным матрицам блистающий Вдохновением взор.

Процессия мысленно перенеслась в Высоту Стекла, чье башенное превосходство было способно на самые мощные магические практики. Плюсом было и то, что многие десятилетия своей жизни Сульфия провела именно в Башне, бденствуя там хранительницей.

Темный брат с красными глазами оглядел всех присутствующих и четким словами произнес: «Пэктус мэктус виола традици. Пэктус трэктус максима трали-кра!». Каждый из четырех так же произнес данное заклинание и встал на золотое острие гексаграммы, оставляя пустым самый верхний луч.

– Нас же пятеро, а лучей шесть, – воскликнул всполошившийся брат, сбивая ход церемонии. – Что будем предпринимать, досточтимый?

– Верх всегда остается пустым, драксель! – Красноглазая темнота заблестела в сумрачном помещении, являя колышущиеся в воздухе прозрачные стены. – Очистите разум, закройте глаза и призывайте. Вы знаете, как это делать, доверьтесь внутреннему движению, оно приведет куда требуется!

Долгие мгновения шелестел лишь полуслышимый ветерок, заставлявший мягко трепетать оранжево-белые лепестки огонька, исходившего от лампад. Запах призрачного дымка проникал в ноздри Назидателей, от чего помутняющее удушье стало медленным кошачьим движением разноситься по Деланию.

В небе над Башней появилась толстая полоска из рассредоточенной мраморной пыли, которая вот-вот должна была проникнуть в золотую пустоту верхнего луча гексаграммы. Зазвучали певческие мотивы стародавних времен, гладь на чаше с радужной водой задрожала, а древняя книга на черном постаменте так и

стояла, оставаясь абсолютно недвижимой ни ветрами, ни звуками.

Чувствительной поверхностью пальца главный по призываю стал мысленно листать книгу, стараясь всей душой достигать изящества поэтических строчек. То же самое делали и остальные братья, подчиняясь внутренним движениям интуитивного тока. Через некоторое время подобного внимания в центре гексаграммы появилась Сульфия Аурумис – будущая молва рассредоточенной Красной Мниги, чья печать надолго оставила след в сердцах того великого времени, которое уже безвозвратно ушло. Поэтесса явилась в светлом одеянии, в сияющем серебряном отливе которого мерцала невысказанная еще история о Высоте. Она улыбалась, приветливо осматривая каждого из собравшейся братии.

– Вами произведена красная магия! Я увидела в ваших глазах Розовую Длань и ее художественное достояние меня немало поразило. Мой поток знает зачем вы меня вызвали, и я отвечу сразу: нет. – Сказала Сульфия, продолжая глядеть на процессию с мягкой улыбкой.

Каждый из братии вынул из широких пол рукавов по медному кинжалу и остриями наставил на поэтессу. Она же оставалась совершенно спокойной, лишь лукавый блеск появился в ее глазах. Главный заметил это и обернул свой голос в лиловый шелк:

– Космос существует для народных масс, а Черное Подреберье – для лучших из рода сознательного гения. Тебе ли это не знать, Сульфия! – Говорил Красноглазый, сходя с луча звезды. Он стал медленно приближаться к призванной Матери. Процессию снова огласил его мягкий говор:

– Укол металла – всего лишь сумрак на каменном присутствии. Тебя мы принесем в жертву и отдадим на уничтожение огню, а кровь твою мы возьмем для Вдохновения. Но это случится только в том случае, если ты откажешь нашему достоянию в помощи!

– Mey dahste fjepu that ku kasla laka ja… – Произнесла Поэтесса и растворилась в Стекле. Лишь ее призрачная улыбка еще оставалась некоторое время в гудящем электричеством воздухе.

– Как же еще глупа и наивна ваша сердечная сочность! – Разразилось небо над головами темной братии.

Пространство закрутило Назидателей в плотный жгут, выплевывая их скарб обратно в комнату Розовой Длани. Все были поражены этим внезапным происшествием и крупно дрожали, представляя себя малышами, которых только что обвели вокруг маленьких пальцев. Главарь с красными глазами ошарашено уставился в окно, где далекий лесной массив мерно успокаивал расстроенные нервы. А желтоглазый, гневно сдирая церемониальные одежды только лишь и произнес:

– Мы идем за Нексусом, драксель!

Половина лица пошарил в тумбочке ванной и нашел там пачку дорогих папирос. Наресин слышал настойчивый стук в дверь, но совсем не торопился открывать. Вместо этого зажег спичку и прикурил, обдавая высокий полоток горьковатым цветочно-табачным дымом. Эти сигареты ему подарила оранжская дева-мурена, которая являлась вдохновительницей для всей творческой элиты Черного Подреберья.

Выкурив одну ароматную композицию Нексус подошел-таки к двери из хромового дерева. Он посмотрел на экран сканера, который находился с правой стороны от дверного проема. Сей сканер показывал форму и вид пришедшего гостя.

Наресин, оставшись довольным увиденным, отворил стучащему. На пороге оказалась та самая дева, подарившая ему цветочные сигареты. Она была одета в бирюзовый шелк, а ее темно-фиолетовые волосы были прибраны в зрительный собор Оранжа. Улыбка мурены сошла с ее губ, но лишь на мгновение, через секунду она стянула коричневый рот, и вместо приветствия вымолвила:

– Я вижу тебя покусала синяя мразь.

Повеселевший мужчина счастливо ответил:

– Лилит, душа моя, как хорошо, что ты решила навестить мой уют!

– Все что угодно, лишь бы не видеть твои корявые видео записи по сети. – Сказала дева.

Лилит прошлась по бирюзовому протяжному коридору, осматривая картины современных клочко-облаков. Ее заинтересовала одна грубая абстракция, обрамленная в лимонно-желтое окно и багет из темного дерева. Наресин жидко засеменил, желая угодить своей гостье:

– Это свежая работа, доставленная прямиком из оранжереи Розовой Длани. Мне ее подарил один из Назидателей с желтыми глазами. – Со смешком сказал мужчина, – славные они существа, но больно чешуйчатые временами.

– Это точно, имела я с однажды дела с некоторыми из розовой кожи. Мне чуть было не пришлось расстаться с сумочкой из крокодила треугольной эры, а жемчуга и вовсе как магнитом притянулись к тем сверкающим глазницам. Брр! – Воскликнула Дева-мурена и передернула крупными плечами, которые так маняще обтягивал гладкий шелк.

– Давай я тебе сделаю ванильный чай с лимоном, а ты расскажешь, как твои дела? – Спросил Наресин, раскачивая половиной лица в подобии улыбки.

Он, как всегда, желал остаться с муреной на как можно больший срок, так как эта женщина будила в нем вкус к жизни, который с течением времени все больше сходил на нет.

– Давай, но с сахарозой, ибо я блюду диету, чтобы та держала мои тела в округлых формах. – Ответила Лилит, сжимая свои щеки.

Мужчина прошел на кухню, выполненную в тонах серого и желтого. На стенах красовался незамысловатый геометрический орнамент из скрещенных треугольников с квадратами. Наресин оказался у столика, на котором высилась банка с играющим внутри водяным паром и собственно водой. Сверху столика находились ящички из белого дерева. И парой простых движений крепкие пальцы достали кружки, а из холодильника был вынут лимон, предварительно нарезанный дольками. Наресин обернулся, чтобы посмотреть на гостью, но вместо ее обнаружил на белом кожаном диване морскую мурену, что смешно шлепала о воздух серебристым хвостом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/gratess_ana/vysota-stekla

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить